

А. Поздняков

УГОДНЫЙ АТОНУ

Год создания: 2014

Пьеса в 7 картинах

Действующие лица:

Аменхотеп Четвертый, десятый фараон восемнадцатой династии Нового Царства, позже сменивший свое имя на Эхнатон.

Тейе, его мать.

Эйе, его дядя, первый министр и главный государственный казначей.

Нефертити, его царственная супруга.

Тутанхатон, его сын и пасынок Нефертити.

Хоремхеб, главнокомандующий египетской армией.

Аменхотеп, сын Хапу, верховный жрец бога Амона-Ра.

Усеркаф, его ученик и преемник.

Слуга.

Гонец.

Посол хеттского царя.

Жрецы, жрицы, придворные, солдаты, стражники.

Действие происходит в Древнем Египте, в середине тринадцатого века до нашей эры. Место действия картин 1,2,3,4,6 - город Фивы; 5 и 7 - город Ахетатон.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тронный зал дворца фараона Аменхотепа IV в Фивах, украшенный статуями египетских богов и богинь, среди которых своими размерами и местоположением выделяется статуя верховного божества Амона-Ра. Левая сторона кулис обозначает вход в опочивальню фараона. Тейе сидит, обмахиваясь веером, на маленьком стуле. Эйе прохаживается по сцене; затем, воровато оглянувшись, садится на царский трон.

Эйе. Ты смотри, а сиденьеце-то впору.

Тейе. Да что ты говоришь?

Эйе. Жестковато, правда. Но можно подушечку подложить. *(С неохотой встает.)* Кто бы знал только, как же я устал.

Тейе. От чего?

Эйе. Да от всего. От жары. От подагры. От церемоний всех этих, дурацких.

Тейе. Ты - дядя фараона великого Египта. И его первый министр. Так что терпи. Церемонии – спутник власти.

Эйе. Власть, дорогая сестричка, состоит из двух половинок. Привилегий и всякой прочей мороки. Но твой сынок, мой дорогой племянник, поступил мудро. Привилегии он оставил себе, а на меня повесил все остальное. Что ж, молодец, правильно. Хочешь лишить человека покоя - назначь его за что-нибудь ответственным. Хочешь поссорить человека с друзьями - поставь его над ними старшим.

Тейе. У человека всегда есть выбор.

Эйе. У человека на вершине пирамиды только один выбор. Либо кубарем вниз. Либо дальше вверх, на самое острие. Неизвестно, что больнее. Пока же мой удел – вечные хлопоты. Засухи, эпидемии, налоги. А у нашего славного владыки только одна забота. Распекать своего первого министра. По поводу и без повода. Да водить хороводы. Причем, под чужую дудку.

Тейе. Кого ты имеешь в виду?

Эйе. Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду. Всех этих дармоедов, что бьют баклуши у себя в храмах. Да жируют за казенный счет. Исписывают папирусы всякой чепухой. И всюду суют свой нос. Куда просят и не просят. Вот и спрашивается, кто же на самом деле правит в Египте?

Тейе. На жрецах лежит священная обязанность сообщать людям волю богов.

Эйе. Ты думаешь это так сложно? Когда никто не в состоянии проверить, чего же *они* *(кивает на статуи)* хотят на самом деле. Я тоже мог бы быть жрецом с не меньшим успехом. Жил бы сейчас припеваючи, вертел бы всеми вами, как хотел, и ни за что не отвечал.

Тейе. Ты рассуждаешь так, словно не знаешь через какой отбор надо пройти, чтобы стать жрецом.

Эйе. Да что я знаю? Что знаешь ты? Так я и поверю, что эти прохиндеи шастают по деревьям и по каким-то там приметам отбирают среди ребятни себе преемников. А куда они тогда девают своих ублюдков? Топят в священном озере, как котят?

Тейе. Жрецы дают обет безбрачия.

Эйе. Дают, дают. И живут все вместе под одной крышей. И жрецы и жрицы. А разве ты не знаешь, что когда мужчина и женщина постоянно находятся рядом, всё всегда, рано или поздно, заканчивается одним и тем же.

Тейе. Чем же это?

Эйе. Тем, ради чего и затеяна вся эта нынешняя кутерьма. Ну-ка посмотрим, кстати, что там творится в царской опочивальне. *(Подходит к левой стороне кулис и осторожно заглядывает за сцену).* О, царицу Нефертити уже подготовили! А у нее не только смазливая мордашка. Фигура тоже в порядке. *(Тейе.)* Правда, сестричка, все равно не то, что у тебя в молодости. *(За кулисы, понизив голос.)* Что, детка? Ждешь, трепещешь? Ничего, потерпи,

осталось недолго. Сейчас придет мой племянничек, и великий Амон-Ра волеет в тебя с его помощью свое божественное семя. *(Тейе.)* А вот интересно, есть какая-нибудь разница, когда ты просто лежишь под мужчиной, и когда он одновременно с этим является еще и орудием небожителя? А, Тейе? Ты ведь тоже когда-то делила царское ложе. Да нет, я в том смысле, что у тебя-то хоть всё получилось. Ты дала Египту наследника престола. А вот у сынка твоего что-то никак не выходит. Уж который раз проходит ритуал, а всё одни девчонки. Видно, великий Амон не на том остановил свой выбор. Доверил бы это дело мне, уж я бы не оплошал.

За сценой звучит музыка. Эйе и Тейе замирают в строгой позе перед тронном. На сцену выходит торжественная процессия. Впереди ее фараон Аменхотеп IV, на голове его – корона, в скрещенных на груди руках - символы царской власти: цеп и крюк. За фараоном следует Верховный египетский жрец, сопровождаемый вереницей жрецов и придворных. Едва Аменхотеп поравнялся со статуей Амона, Верховный жрец бьет о пол посохом. Музыка прекращается, и процессия останавливается; жрецы и придворные падают ниц, лицом в пол, после чего Эйе и Тейе опускаются на колени, лицом к статуе, и склоняют головы. Фараон неподвижен. Второй удар. Эйе и Тейе, после затянувшейся паузы, осторожными жестами начинают подсказывать Аменхотепу, чтобы он последовал их примеру. Верховный жрец с силой снова бьет посохом. Аменхотеп, обменявшись с ним взглядом, все-таки, хотя и с явной неохотой, опускается на колени перед статуей бога Амона.

В е р х о в н ы й ж р е ц *(обращаясь к статуе)*. О, великий и всемогущий Амон-Ра, веющий опалами отец наш и покровитель, снизойди до своих верных рабов и пошли свой духовный ветер сыну твоему, Аменхотепу, великому во времени царю Верхнего и Нижнего Египта, и награди его благодатную жену, великой милостью наследную принцессу Нефертити, божественным, живущим в веках потомством! *(Стучит посохом.)*

Все поднимаются в обратной последовательности. Эйе снимает с фараона корону, а Тейе забирает у него из рук крюк и цеп и аккуратно подталкивает сына в сторону опочивальни. Аменхотеп, поколебавшись, уходит. Все оставшиеся замирают в почтительном молчании. Внезапно Аменхотеп снова появляется на сцене и с вызывающим видом подходит к Верховному жрецу. Пауза. Верховный жрец медленно поворачивается лицом к статуе бога Амона и опускается перед ней на колени. Все, за исключением фараона, следуют его примеру.

В е р х о в н ы й ж р е ц *(воздевая к статуе руки)*. О, великий и всемогущий Амон-Ра, отец наш и покровитель! Прими благодарность нашу за то, что ты снизошел и услышал мольбу рабов своих, и твой божественный духовный ветер достиг, наконец, своего заветного убежища. Слава Амону!

В с е о с т а л ь н ы е *(хором)*. Слава Амону! Слава Амону! Слава Амону!

Верховный жрец поднимается на ноги. За ним встают все остальные.

А м е н х о т е п. Всё, церемония закончена?

Верховный жрец бьет посохом. Жрецы и придворные удаляются. После повторного удара уходят Эйе и Тейе.

А м е н х о т е п. Зачем ты солгал, великий жрец? Божественный духовный ветер ничего не достиг. Он сегодня даже не отправлялся в путь.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Я никогда не лгу, великий Дом. Я сказал людям то, что они ожидали услышать. Тебе, как самодержцу, следовало бы знать, что подданным надо говорить только ту правду, которая их устраивает. Ты же сам должен держать свои уши открытыми для других слов. Тех, что не баюкают, а язвят.

А м е н х о т е п. Например?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Великий Дом, мы с тобой носим одно и то же имя - Аменхотеп. Что значит: «Амон доволен». Так вот, в последнее время я с болью начинаю замечать, что тобой Амон доволен быть перестал.

А мен х о т е п. С чего ты взял?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Только что твой небесный отец отказал тебе в своей милости. Ты не смог осуществить священный акт зачатия наследника престола.

А мен х о т е п. Ошибаешься. У меня просто не возникло желания.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Слова разные, суть одна.

А мен х о т е п. Сомневаюсь. Дело в том, что великий Амон одарил меня милостью куда большей. Теперь я могу обращаться к нему за его живительной силой в тот момент, когда мне этого захочется. А не тогда, когда этого привыкли ждать все остальные. Как ты думаешь, моим подданным придется по вкусу *эта* правда?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Странные у тебя представления о правде. Ты, наверное, забыл, что только избранная каста жрецов вправе узнавать волю богов из первых уст.

А мен х о т е п. Неужели отцу для того, чтобы сообщить что-то своим детям, надо обязательно прибегать к помощи посредников?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что поделаешь, детский ум не в состоянии усвоить язык высшей мудрости. Ты и так уже опечалил богов, великий Дом. Не старайся же вызвать еще и их гнев.

А мен х о т е п. Интересно, чем же?

В е р х о в н ы й ж р е ц. В последнее время ты совсем перестал обращаться к ним за советом.

А мен х о т е п. Видишь ли, великий жрец, в последнее время я стал сильно сомневаться в том, что всё, услышанное мной из твоих уст, действительно было сообщено тебе свыше.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Хорошо, что ты в этом усомнился, государь. Это говорит о твоём уме. То, что свои сомнения ты не стал от меня скрывать, еще раз подтверждает сделанный мной вывод. Докажи же свой ум в третий раз. Забудь о своих сомнениях.

А мен х о т е п. Почему?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Потому что вам всем, живущим в мирской суете и скверне, никогда не суждено узнать истину. А зачем человеку терзать свою душу вопросами, на которые он так и не сумеет найти точного и ясного ответа? Это только отвлекает его от выполнения своего земного предназначения.

А мен х о т е п. Значит, мне не остается ничего другого, как просто верить тебе на слово?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Неужели я дал тебе хоть малейший повод с недоверием относиться к моим словам?

А мен х о т е п. Ну ... смотря в чем. Нет, я признаю, что ты мудр, великий жрец. И всегда готов выслушать тебя, когда дело касается, скажем, ... астрономии. Или геометрии. Но есть области, в которых ты не являешься знатоком.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Например?

А мен х о т е п. Например ... например, военное дело. Ты не имеешь ни малейшего представления ни о тактике, ни о стратегии. Когда дело касается войны, я предпочитаю слушать советы профессионалов.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Бедный фараон. Мне тебя жаль.

А мен х о т е п. Вот как? С чего бы?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Доверившись военным-профессионалам, не рассчитывай на победу полную и окончательную. В этом деле не помогут знания стратегии и тактики.

Входит Эйе.

Эйе. Великий Дом, прошу низжайше простить меня за то, что я осмелился ...

А мен х о т е п (*перебивает его*). Говори, Эйе, мы тебя слушаем.

Эйе. Государь, только что прибыл гонец из Сирии. Он привез тебе важное донесение от твоего главнокомандующего Хоремхеба.

А мен х о т е п. Вот как? Весьма кстати. (*Жрецу*.) Хороший случай определить, кто из нас прав. Полгода назад я поручил своему лучшему полководцу навести порядок в наших мятежных окраинах. Узнаем же, что из этого получилось. (*Делает знак Эйе*.)

Эйе хлопает в ладоши. Выходит гонец с папирусным свитком и падает ниц перед фараоном.

А мен х о т е п. Встань, гонец! (*Гонец встает*.) Ну и что за весть ты принес мне?

Г о н е ц. Хорошую весть, великий Дом. Весть о нашей победе. (*Протягивает фараону свиток*).

А мен х о т е п (*просмотрев свиток, жрецу*). Ты не хочешь прочитать это донесение, великий жрец? (*Жрец качает головой*.) Что так?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нет ничего лживее победных реляций. Результат всегда позволяет скрыть обстоятельства.

А мен х о т е п. (*Гонцу*). Скажи мне, гонец, а сам ты участвовал в последней битве?

Г о н е ц. Конечно, государь. Я сражался в первой шеренге копьеносцев.

А мен х о т е п. Тогда поведай, что происходило в действительности на поле боя.

Эйе (*замышлемся гонцу*). Ты что, несчастный, онемел? Сын неба вопрошает тебя!

Г о н е ц. Смилуйся надо мной, о сын неба! Славный Хоремхеб послал меня, потому что я оказался самым выносливым в его войске. Но я всего лишь простой солдат, а не ученый жрец, который может умело и складно излагать свои мысли.

А мен х о т е п. Умело и складно обычно плетут лишь красивые небылицы. Чтобы сказать правду, нужны просто хорошая память и честность. Не так ли, великий жрец?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Прежде всего для этого нужна смелость.

А мен х о т е п. Ты слышал, гонец?

Г о н е ц. Слышал, великий Дом.

А мен х о т е п. Ты себя считаешь смелым человеком?

Г о н е ц. Я никогда над этим не задумывался, владыка. Я просто всю свою жизнь, как умел, дрался с твоими врагами.

Эйе. Вот и расскажи, как ты это делал последний раз.

Г о н е ц (*с неохотой*). Ну, если вкратце, то своим стремительным натиском ...

А мен х о т е п (*перебивает его*). Когда я хочу услышать краткий ответ, я велю укоротить говорящему его язык.

Г о н е ц (*падает на колени*). О, владыка мира, прости своего неразумного раба!

А мен х о т е п. Встань, раб! (*Гонец встает*.) И говори прямо. На самом деле наша победа в этой битве была не так уж и блестяща. Я прав?

Г о н е ц. Не совсем, великий Дом.

А мен х о т е п. Подробнее.

Г о н е ц (*с усилием*). Сперва всё шло гладко. Но в середине боя амореи внезапно зашли нам в тыл. Началась паника. Задние ряды, бросая оружие, обратились в бегство и ...

А мен х о т е п. И?

Г о н е ц. Все могло кончиться страшной бедой. Если бы Хоремхеб на своей колеснице не врезался в самую гущу нападавших и не остановил их натиск. Этого хватило, чтобы мы перестроились и нанесли врагу ответный удар. От которого он уже не смог оправиться.

А мен х о т е п. В скольких битвах тебе довелось участвовать, солдат?

Г о н е ц. Во многих, государь. На десятом году службы я уже потерял им счет.

А м е н х о т е п. Тогда скажи мне, не про себя лично, а вообще. Египтяне - храбрые воины?

Г о н е ц. Храбрые, великий Дом.

А м е н х о т е п. Разве храбрецы когда-нибудь паникуют перед противником? И, тем более, бегут от него?

Г о н е ц. Пожалуй, что нет.

А м е н х о т е п. Значит, египтяне - трусы? *(Пауза.)* Что такое? Почему ты молчишь?

Г о н е ц. Пожалуй, что так, хотя у меня не поворачивается язык произнести это слово.

А м е н х о т е п. А разве можно назвать трусом того, кто в одиночку способен переломить ход битвы и вырвать у врага победу?

Г о н е ц. Нет, нельзя.

А м е н х о т е п. Так кто же тогда египтяне? Трусы или храбрецы?

Г о н е ц. Теперь я уж и не знаю что думать, великий Дом.

Э й е *(как бы про себя)*. И хвала Амону. Думать! Этого еще не хватало.

А м е н х о т е п *(гонцу)*. Хорошо, солдат, можешь идти. Ты получишь награду за свою добрую весть. И за свою смелость тоже.

Гонец с поклоном уходит.

А м е н х о т е п. Ну, а что же по этому поводу может сказать наш Верховный жрец? Храбрые египтяне воины? Или нет?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Только глупец может требовать от своих солдат большей храбрости, чем от генерала. Разве почести и добыча, достающиеся им, в случае победы, соизмеримы с тем, что приходится на долю их начальника?

Э й е. Резонно.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Но дважды глупец тот, кто ждет от генерала большей преданности, чем от простого солдата.

Э й е. Почему?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Кто, в случае поражения, теряет больше?

А м е н х о т е п. Мой генерал Хоремхеб, жрец, равнодушен к почестям и не падок на добычу. Может быть, именно поэтому ему незнакомо слово «поражение». И он еще раз доказал это. Я не зря доверяю профессионалам. *(Заметив усмешку на лице жреца.)* Ты что же, хочешь сказать, что мой главнокомандующий мне лжет?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нет, он просто лжет самому себе. Твой генерал, так же, как и ты, полагает, что, одолев врага на поле боя, он выиграл у него войну.

Э й е *(после паузы)*. Прости меня, о великий жрец. А что же еще, в таком случае, следует полагать?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Скажи мне, о наиславнейший первый министр, зачем Хоремхеб был отправлен в этот поход?

Э й е. Как зачем? Разве ты не знаешь, что наш вассал, аморейский князь Аширта поднял восстание?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Почему же он это сделал?

Э й е. Ну как ... *(смотрит на фараона.)*

В е р х о в н ы й ж р е ц. Не гневайся на меня, государь, за то, что я задаю вопросы, которые могут показаться тебе глупыми и пустыми.

А м е н х о т е п. Ну что ты, великий жрец, что ты. Разве я могу на тебя гневаться? А что касается Аширты, то покоренным, знаешь ли, время от времени свойственно восставать. Чтобы вернуть былую независимость.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А чего хотел ты, посылая против него свою армию?

А м е н х о т е п. Представь себе, того же, к чему должен стремиться любой властитель. Убережь свою державу от развала, который всегда начинается с первой трещины.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И какие же меры принял Хоремхеб, чтобы решить эту задачу?

Аменхотеп кидает папирусный свиток Эйе.

Э й е. Какие меры. Во-первых, он вторгся в мятежную провинцию. *(Подглядывает в текст.)* Вынудил Аширту вступить с ним в решающий бой. Разгромил его армию. В захваченной столице оставил наш гарнизон во главе с наместником. Обложил амореев новой данью и ... и теперь с захваченной добычей и пленными возвращается домой. Вот.

А м е н х о т е п *(Верховному жрецу)*. Ну, что ты на это скажешь?

В е р х о в н ы й ж р е ц. То, что тебе, не мешкая, следует начать подготовку к новой войне. Через год, самое большое через два, в Сирии опять вспыхнет восстание.

Э й е *(встревоженно)*. Как, через год? Почему?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Потому что причина недовольства амореев осталась неустраненной.

Э й е. Но ... устранить ее можно только одним способом. Дать им свободу.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что же надо сделать, если такой результат неприемлем?

Э й е. Хм. Надо подумать.

В е р х о в н ы й ж р е ц *(усмехается)*. Вовремя. *(Аменхотепу.)* Если устранить причину чьего-либо недовольства невозможно, нужно заменить его объект. Твой прадед, великий Тутмос, хорошо знал это. Потому и создал самую могучую империю в мире. И, самое главное, сохранил ее.

А м е н х о т е п. И чем же он этого добился?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Прежде всего тем, что лично возглавлял все свои походы. А не передоверял это дело генералам.

А м е н х о т е п. По-твоему, умелый генерал не способен сам одержать победу?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Одерживать победы – его работа. Удерживать их – бремя правителя. Ты сказал, что Хоремхеб оставил управлять усмирённой провинцией своего, то есть твоего, великий Дом, наместника. А что в этом случае делал твой прадед?

А м е н х о т е п *(после паузы)*. Доверял это кому-нибудь из местной знати?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Почему ты пришел к такому выводу?

А м е н х о т е п. Чужестранцу трудно завоевать симпатии народа. Каким бы справедливым ни было его правление.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Поэтому тоже. И по какому же критерию следует выбирать себе ставленника? *(Переводит взгляд с задумавшегося Аменхотепа на Эйе.)*

Э й е. Э-э ... лояльность? *(Уточняет.)* Преданность.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Преданность не качество, а состояние. Оно изменчиво как ветер в пустыне. Ты этого не знал?

Э й е. Ну ... А кого делал своим ставленником великий Тутмос?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Самого честолюбивого. И обездоленного. Это делало его лояльней всех лояльных. И безжалостным по отношению к более родовитым землякам. Тоже претендующим на власть.

А м е н х о т е п. Всё это вовсе не исключает того, что в будущем, при первой удобной возможности, этот честолюбец

В е р х о в н ы й ж р е ц. Не исключает. Великий Тутмос это тоже понимал. Поэтому, отдавая на растерзание своему ставленнику семью прежнего царя, одного человека из этой семьи он все-таки спасал. По возможности сына царя. Или его племянника. Он увозил

мальчика с собой, растил его и воспитывал при своем дворе. Но при этом постоянно напоминал ему о том, что произошло с его семьей, и чьих это рук дело. И вот когда зарвавшийся вассал начинал выходить из повиновения, или хотя бы просто ослаблял вожжи, Тутмос помогал своему воспитаннику поднять против того мятеж.

А мен х о т е п. Сам сеял смуту в своей же провинции?

В е р х о в н ы й ж р е ц. И сеял, и возвращивал.

Э й е. А ... потом?

В е р х о в н ы й ж р е ц. А потом отводил свои гарнизоны в приграничные крепости и спокойно наблюдал за тем, как соплеменники режут друг друга в борьбе за трон. Но не просто наблюдал, а постоянно оказывал помощь тому из соперников, у кого начинали слабеть силы. И народ этих охваченных междоусобицей земель доходил до такого отчаяния, что присылал к Тутмосу своих послов с просьбой избавить его от этого кошмара и установить свое прямое правление.

Э й е. Толково.

А мен х о т е п (*усмехается*). Н-да.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что такое, государь? О чем ты задумался?

А мен х о т е п. Да так. Об одной иллюзии.

В е р х о в н ы й ж р е ц. По имени «свобода»? А что тебя смущает?

А мен х о т е п. Ну как же. Для людей нет слаще слова. Они идут ради нее на любые лишения. На смерть. А что в итоге? Всегда новое ярмо?

В е р х о в н ы й ж р е ц. И еще более тяжкое. Но на то боги и создали вас, правителей, чтобы вы оберегали народы от пустых и жалких иллюзий. Вот видишь, великий Дом, сколько нового и полезного ты вынес из разговора со мной. Хотя это не имеет отношения ни к астрономии, ни к геометрии.

А мен х о т е п (*после паузы*). Хоремхеб совершил еще какие-нибудь ошибки?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Совершил, великий Дом. Он пишет, что обложил население усмирненной провинции новой данью.

А мен х о т е п. Ему не следовало это делать?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нет. Ему следовало лишить этих людей всего того, что они еще сохранили в своей собственности. Так, чтобы у них не осталось больше страха что-то потерять и желания подняться на его защиту.

А мен х о т е п. А что же у них тогда должно остаться?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Только потребность побыстрее вновь взяться за плуг, чтобы не дать себе и своим детям умереть с голоду. Поэтому, чтобы исправить просчет Хоремхеба, тебе придется отправить в Сирию новый отряд.

Э й е. Резонно.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А я пошлю с ним своих людей.

А мен х о т е п. Зачем?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Храмовое строительство требует больших затрат. Поэтому боги советуют тебе, владыка, увеличить нашу долю в будущей добыче. И вообще, не чураться лишний раз обращаться к ним за помощью и подсказкой. Поверь, хуже от этого не будет. Великий Дом позволит своему слуге удалиться?

А мен х о т е п. Позволяю.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да пошлют тебе боги свою любовь и поддержку! (*Уходит.*)

Э й е. Совсем обнаглели. Долю их увеличить! Уж скоро из ушей ползет, а всё хапают, хапают. (*Встретившись взглядом с фараоном.*) Пожалуй, я тоже пойду. (*Направляясь на выход, вздыхает.*) Кто бы знал только, как же я устал. (*Уходит.*)

Оставшись один, Аменхотеп погружается в задумчивость. Со стороны опочивальни осторожно выглядывает Нефертити и, оценив обстановку, выходит. Не приближаясь к супругу, звуком привлекает к себе внимание.

А м е н х о т е п (*не глядя в сторону жены*). Это ты, Нефертити? Что тебе?

Не ф е р т и т и. Наконец-то ты один, великий Дом.

А м е н х о т е п. Зачем ты пришла?

Не ф е р т и т и. Я пришла к тебе, любовь моя. Вернее, за тобой. Ты так быстро и внезапно покинул меня, едва войдя в нашу спальню. Что-то случилось?

А м е н х о т е п. Ничего не случилось. Мне просто надоело.

Не ф е р т и т и. Надоело ... что?

А м е н х о т е п. Быть вечно под чьим-то присмотром. (*Подходит к статуе бога Гора и висящему над ним изображению большого глаза*.) Меня со всех сторон окружают глаза! (*Срывает изображение и отшвыривает в сторону*.)

Не ф е р т и т и. Что ты делаешь, несчастный! Это же око Уджат, наш священный амулет! Оно призвано охранять тебя от горя и бед.

А м е н х о т е п. Охранять! Я ни на секунду не могу избавиться от охранников, которые караулят каждый мой шаг. И от назидателей, вечно поучающих, что делать и как. В тюрьме у узника и то больше свободы.

Не ф е р т и т и. О чем ты говоришь, великий Дом! Все жители Египта, от мала до велика, - твои рабы, их удел безмерно служить своему господину. Каждый занят своим делом. Слуги, воины, чиновники, жрецы. Тебе просто не стоит обращать на них внимание. Как на безжизненные предметы. Ведь эти стены, колонны, мебель тоже окружают тебя днем и ночью. И точно так же служат тебе.

А м е н х о т е п. Уж кто здесь более всего и напоминает безжизненный предмет, так это я сам. Чем я отличаюсь от этих истуканов? (*Кивает на статуи*.) Только тем, что дышу и испытываю чувство голода? Все мои действия predeterminedены и расписаны как Книга Мертвых на стенах царских усыпальниц. Каждый день. Минута по минуте. Утром я должен, высунувшись в окно, принимать выражения восторга своих подданных. Затем два часа плестись по жаре во главе толпы таких же помешанных. После этого, выполняя священный долг сына неба, оплодотворять царицу. Потом ... (*окончание фразы прерывает бросившаяся ему на шею жена*.) Что с тобой, Нефертити?

Не ф е р т и т и. Так вот почему великий сын неба мной сегодня пренебрег. Он был слишком раздражен церемонией и утомлен жарой. А я думала ...

А м е н х о т е п. Что ты думала?

Не ф е р т и т и. Что мой венценосный господин меня разлюбил. Что он решил сделать другую своей царственной супругой.

А м е н х о т е п. Разве нельзя, взяв в жены одну женщину, продолжать при этом любить другую?

Не ф е р т и т и. Владыка Египта волен сделать царицей любую женщину из своего гарема, но разделить любовь на части не властен даже он. (*Отстраняется от Аменхотепа и отходит в сторону*.) И кого же великий Дом вознамерился посадить на трон рядом с собой? Толстую Таасерт? Или коротышку Итайю?

А м е н х о т е п. Что с тобой, Нефертити? Ты меня ревнуешь?

Не ф е р т и т и. Да, ревную. Ревную! Потому что я люблю тебя. Больше жизни! (*Пауза*.) Что ты смеешься? Ты мне не веришь?

А м е н х о т е п. Не верю.

Не ф е р т и т и. Почему?

А м е н х о т е п. Потому что ревность никогда не бывает спутницей любви.

Не ф е р т и т и. А чьей же спутницей она бывает?

А м е н х о т е п. Себялюбия. Если бы ты любила меня по-настоящему, разве бы ты тогда думала о привилегиях, которые дает положение царственной супруги? Да для тебя было бы счастьем положить свою соперницу мне в постель и отирать пот с наших разгоряченных страстью плечей. А потом нянчить родившегося у нее от меня ребенка как своего собственного.

Не ф е р т и т и. Ах вот оно что! Ты упрекаешь меня в том, что я так и не принесла тебе наследника! Но моя ли здесь вина? Может быть, сам Амон отказал тебе в милости наделить твое семя своей божественной силой, чтобы помочь зачать мне сына?

А м е н х о т е п. Кто, кто? Амон? Вот это жалкое раскрашенное полено? Да ты из него не выжмешь и капли испарины, не то что живородящего семени.

Не ф е р т и т и. Как смеешь ты так говорить о своем небесном отце, безумец! Остановись, не призывай кару на наши несчастные головы!

А м е н х о т е п. Кару? А вот мы сейчас посмотрим, что он и его прихвостни посмеют мне сделать! *(Подходит к статуе Амона и опрокидывает ее на пол, затем проделывает то же самое и с остальными божествами.)* Вот видишь, как все просто. Надо всего лишь на это решиться. Идолы всегда держатся только нашим страхом перед ними.

Не ф е р т и т и. Несчастный. Он лишился рассудка. Несчастный. *(Поспешно уходит.)*

С другой стороны на сцене появляется Тейе. Она оглядывает учиненный разгром; затем подходит к Аменхотепу, расположившемуся на полу, в окружении опрокинутых статуй, и садится рядом с ним. Он кладет голову ей на колени. Тейе гладит сына по волосам.

Т е й е. Ничего, мой мальчик, ничего. С каждым из нас в жизни однажды происходит нечто подобное. Да, да. Кому не надоедает его привычное существование. Даже наш кормилец, великий Нил, устав от бесконечного движения, однажды останавливает свой ход и разливается по близлежащим берегам. Но наступает свой срок, и он вновь продолжает нести свои воды к далекому морю. Так устроено небом. Нельзя изменить свою судьбу. Мы приходим в мир, который уже создан и в котором каждому из нас отведено его место.

А м е н х о т е п. Кем отведено?

Т е й е. Богами.

А м е н х о т е п. Какими богами? Вот этими ...

Т е й е *(перебивает его)*. Бог - это закон, который живет в тебе и правит окружающим тебя миром. Без закона нет порядка. А значит, нет и покоя.

А м е н х о т е п. А что, именно в нем заключается счастье?

Т е й е. Конечно, нет. Но он его непременно условие.

А м е н х о т е п. Вспомни свою жизнь, великая царица Тейе. Если бы тебе был дорог покой, разве достигла бы ты своего нынешнего положения? Ты, чужеземка, лишённая царских кровей. Стала бы ты когда-нибудь повелительницей Египта, не усомнившись однажды в раз и навсегда установленном порядке? Ведь веками обычаи, освященные этими идолами, закрывали доступ к трону таким как ты, держа их в царском гареме на положении простых наложниц.

Т е й е. Я всегда уважала богов этой страны и поклонялась им. Поэтому-то они и открыли мне дорогу к власти над ней.

А м е н х о т е п. А может быть, ты добилась этого не благодаря им, а вопреки? Кто знает, как сложилась бы твоя судьба, если бы ты однажды не пошла наперекор судьбе?

Т е й е. Да, ты прав, я пошла наперекор. Но не судьбе, а обстоятельствам. В любом случае это не был вызов небу. Цель, на которую я покусилась, была хоть и далека, но вполне достижима. А я не боялась высоты и верила в себя. Поэтому боги и помогли мне. Но то, к

чему я так стремилась всю свою жизнь, тебе досталось от рождения. Ты и так уже находишься на самой вершине. Любой вызов с твоей стороны и в самом деле будет означать не что иное, как прямое объявление войны богам.

А м е н х о т е п. Так что же, выходит, что я, повелитель самой могучей державы в мире - единственный из смертных, кто не имеет права на бунт?

Т е й е. Иметь право и пользоваться им – не одно и то же. Когда бунтует матрос – это понятно. Он хочет сам встать за руль корабля. Но против кого восставать капитану? Против моря? Или против самого себя? Посягнув на великий извечный порядок, ты оставишь мир без закона и тем самым ввергнешь его в хаос. Твой бунт закончится войной всех против всех, а это гибель для рода человеческого. Так что ... давай-ка расставим всё по своим местам. Пока весть об этом не выпорхнула отсюда на волю, как голубь из клетки. *(Хочет поднять с пола лежащую статую.)*

А м е н х о т е п *(перехватывая ее руку)*. Но ведь мы можем дать миру новый закон.

Т е й е. Выдумать закон - дело нехитрое. Гораздо сложнее сделать так, чтобы необходимость подчинения ему не подвергалась бы потом ни малейшему сомнению теми, для кого он предназначен.

А м е н х о т е п. Ну хорошо, а при чем здесь боги?

Т е й е. Страх перед их карой - лучшее лекарство от всех сомнений.

А м е н х о т е п. Какое же это лекарство? Постоянный страх способен свести в могилу быстрее любого недуга.

Т е й е. А что же хочешь положить в основу своего закона ты?

А м е н х о т е п. Я? *(Пауза.)* Любовь.

Т е й е. Любовь? Это что-то новое.

А м е н х о т е п. Так почему бы не попробовать. Хотя бы узнаем вкус.

Т е й е. Или получим несварение. *(Пауза.)* И с чего же, в таком случае, мой дорогой сын собирается начать?

А м е н х о т е п. С самого простого. И очевидного.

Т е й е. А именно?

А м е н х о т е п. С объявления.

Т е й е. Какого объявления?

А м е н х о т е п. О скоропостижной кончине. *(Кивает на лежащие статуи.)* Амона. И всей его компании.

Т е й е. Дерзко. А как народ? Поверит ли?

А м е н х о т е п. Вот и посмотрим. Насколько он привык к небывицам. *(Замечая осторожно выходящего на сцену Эйе.)* О, а вот и дядя! Мой верный наперсник. Очень кстати. Заходи, заходи, не стесняйся.

Э й е. Что случилось, великий Дом? В твоих покоях землетрясение, а снаружи тишина.

А м е н х о т е п. Ничего, скоро будет грохотать и снаружи. *(Пауза.)* Тебя это пугает?

Э й е. Да, в общем-то, не особенно. Кое-кого давно уже не мешает потрясти. Главное в этом деле - не переусердствовать. Так, чтобы не разрушить стены собственного дома.

А м е н х о т е п. Не беда, мы построим новый дом. Еще лучше и прочнее прежнего.

Э й е. Если только сами не погибнем под обломками. Как я понимаю, дорогой племянник, ты решил объявить войну жрецам?

А м е н х о т е п. Одобряешь?

Э й е. Только в том случае, если ты готов пойти в этой войне до конца.

А м е н х о т е п. Золотые слова. Ты прав, дядя, на полдороге останавливаться нельзя. И поэтому мы объявим войну не жрецам.

Э й е. А кому?

А м е н х о т е п. Тем, у кого они находятся в услужении. *(Пауза.)* Что такое?

Э й е. Ну ...не знаю. А стоит ли заходить так далеко?

А м е н х о т е п. Последовательность в действиях - залог успеха.

Э й е. Но не до крайностей же. Причем тут боги? Во всем виноваты жрецы. Вернее, даже не они сами, а те, кто позволил им за последнее время прибрать к своим рукам слишком много власти. Я говорю, Тейе, о твоём покойном муже. Шутка сказать, после его предсмертных указов мы стали отчислять храмам половину всех наших доходов. Это просто неслыханно. А ведь известно: где деньги там и влияние. Спору нет, с этим надо кончать. Но сделать это можно гораздо проще.

А м е н х о т е п. Каким образом?

Э й е. Что станет с полем, засеянным пшеницей, если мы перекроем канал, подводящий к нему нильскую воду? Правильно. Достаточно на половину урезать доходы храмов, и уже через месяц жрецы сменят тон. Не правда ли, сестра?

Т е й е. Не всё так просто, братец. Ты забыл о влиянии жрецов среди простого люда. При желании им несложно будет устроить в стране смуту. Ведь на их стороне боги.

Э й е. Заменяем их верхушку.

А м е н х о т е п. Кем же?

Э й е. Кем-нибудь попокладистей из их же шайки. И пообездоленной. Нас же сегодня учили, помнишь?

Т е й е. Найти отступника будет, может, и не сложно. Но как его возвести? Верховного жреца избирает совет старейшин.

Э й е. Ничего страшного. Поработаем с ними индивидуально.

Т е й е. А захочет ли все братство признать права вновь избранного?

Э й е. Недовольных изолируем и вышлем подальше в пустыню.

Т е й е. А если их будет слишком много? И потом, чем сильнее гонения, тем больше симпатии в народе.

А м е н х о т е п. Вот видишь, дядя, что может быть, если останавливаться на полпути. Нет, надо поступить совсем просто. Человек становится бессильным, как только он перестает быть нужным. Поэтому мы сделаем ненужным все жречество. Ненужным ни мне, ни тебе. Ни стражнику у моих дверей, ни последнему нищему на базаре. Никому, даже им самим. Жрецы незаменимы лишь до тех пор, пока существуют те, кому они служат. Чью волю доносят до нас и кому передают наши мольбы и просьбы. Без своих хозяев они становятся лишними. А такие люди, при всех их бедах, способны вызывать не жалость и сочувствие, а лишь презрение и смех. И мы даже не будем причинять вреда никому из них лично. Они просто вымрут сами. Тихо и незаметно, как прокаженные в заброшенной деревне.

Э й е *(после паузы)*. А что скажешь ты, великая царица Тейе?

Т е й е. Я?

Э й е. Да. Ведь это твоими усилиями наш род достиг вершины власти в этой стране.

Т е й е *(после паузы)*. Что я могу сказать. Может быть, и в самом деле мой сын прав? И мы поднялись так высоко не благодаря, а назло этим богам. Чтобы потом подвинуть их в сторонку.

Э й е. Ну ... *(Аменхотепу, осторожно)*. А сокровища храмов?

А м е н х о т е п. Поступают в полное распоряжение казны. И первого министра.

Э й е. Ну что ж, великий Дом, я прах у твоих ног. Эйе всегда был и останется твоим верным слугой и помощником. Но ...

А м е н х о т е п. Но?

Э й е. Честно признаться, дорогой племянник, от твоих слов у меня немного захватывает дух. Я хотел бы придти в себя и еще раз хорошенько всё обдумать.

А м е н х о т е п. Раздумья ведут к сомнениям. А колеблющиеся всегда занимают на пиру худшие места. Если вообще не остаются за дверью.

Э й е. Нет, нет, великий Дом, что ты! Я ни в чем не сомневаюсь. Мы связаны кровными узами, и у нас одна судьба, одна дорога. Просто нам сейчас нужно очень многое предусмотреть. Со знатью мы договоримся, но какова будет реакция черни? Ведь люди тысячелетиями привыкали к этим божествам, они рождаются и умирают под их дланью.

А м е н х о т е п. Изменения ведут к недовольству лишь при пустом желудке. Если новый порядок даст людям больше того, что они имели раньше, кого тогда потянет на улицу рисковать благополучием ради каких-то сомнительных болванов? У нас сейчас урожайный год, а Хоремхеб собрал дань с мятежных амореев. Мы можем легко увеличить нормы отпуска зерна для общественных нужд.

Э й е. Ты вспомнил о Хоремхебе. Весьма кстати. Конечно, армия - оплот царя. Но ведет ее главнокомандующий.

А м е н х о т е п. Хоремхеб - мой друг. Я знаю его с детства.

Э й е. Я тоже знаю тебя с детства, великий Дом. Несмышленным дитем ты играл у меня на коленях. Но я бы никогда не осмелился даже предположить, что однажды настанет день, и я услышу из твоих уст то, что услышал сегодня. Да и твоя родная мать, я думаю, тоже.

А м е н х о т е п. Я уверен, Хоремхеб будет с нами. Если я убедил вас, то сумею убедить и его.

Э й е. Почему ты в этом так уверен? Оттого, что он простодушен и лучше поддается внушению? Но не забывай, если в таких людях просыпается упрямство, то его уже не в силах победить никакие доводы рассудка. Поэтому, не заручившись поддержкой Хоремхеба, начинать что-то было бы весьма неразумно. Давай-ка подождем его возвращения из Сирии. А там, с божьей помощью ... Только с чьей помощью? Каких богов?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Место действия картины первой. Интерьер тот же, за исключением отсутствующих статуй. На сцену с разных сторон кулис выходят Аменхотеп и Хоремхеб, опускающийся перед ним на колени.

Х о р е м х е б. Приветствую тебя, великий сын неба!

А м е н х о т е п (*прерывая его и беря за плечи*). Встань, Хоремхеб! Встань, брат мой.

Х о р е м х е б. О, мой повелитель! Ты удостоил меня сейчас величайшей чести и самой большой награды. Но я не достоин ее.

А м е н х о т е п. Почему?

Х о р е м х е б. Мне, простому смертному, никогда не стать равным тебе, сыну бога.

А м е н х о т е п. И ты тоже веришь в эти бредни?

Х о р е м х е б (*настороженно*). Я никогда не посмею усомниться ...

А м е н х о т е п (*перебивает его*). Самый храбрый воин Египта может на что-то не осмелиться?

Х о р е м х е б. Так уж и самый.

А м е н х о т е п. Скромность не к лицу тому, кто почти в одиночку решил исход последней битвы с амореями. Хотя в полученном мной донесении все выглядело несколько иначе.

Х о р е м х е б. Если бы ты знал, государь, какие мелочи подчас определяют исход сражения. Но донесение - официальный документ. Народ и потомки не должны сомневаться в закономерности победы.

А м е н х о т е п. Так же, как и ты в моем божественном происхождении.

Х о р е м х е б (*после паузы*). Ты меня в чем-то испытываешь, великий Дом, но в чем я никак не могу понять.

А м е н х о т е п. Мне нет нужды испытывать тебя, Хоремхеб. Я знаю, чего ты стоишь. И ты это еще раз доказал. Ведь твой сирийский поход был успешен, не так ли?

Х о р е м х е б. Контроль над территорией амореев восстановлен мной полностью. Армия мятежного Аширты разбита. Воины, оставшиеся в живых, закованы в цепи и смиренно ждут твоего приговора.

А м е н х о т е п. А что с самим Аширтой?

Х о р е м х е б. Зарублен в бою. Но мы взяли в плен его младшего брата. Кстати, он нижайше просит тебя о милости, великий Дом.

А м е н х о т е п. Какой именно? Сохранить ему жизнь?

Х о р е м х е б. Нет. Избавить от позора участвовать в шествии пленных. Он говорит, что честь для него дороже жизни.

А м е н х о т е п. Вот как? Почему же тогда он обратился с этой просьбой ко мне, а не к самому себе? Ведь когда он сдавался в плен, у него, как и у его брата, в руках еще был меч. Ладно, с аморейской армией ясно. А что остальное население?

Х о р е м х е б. Присмирело, как нильская вода во время разлива. Вся местная знать, не бравшая в руки оружия, на моем мече присягнула тебе, государь, в своей вечной верности и покорности. Чтобы не вызвать у них соблазна нарушить ее, мной там оставлен гарнизон. И, наконец, самое главное. Обоз с захваченной у амореев добычей и выплаченной ими данью завтра войдет в фиванские ворота.

А м е н х о т е п. Хорошо, Хоремхеб. Ну а как вообще обстоят дела на наших восточных рубежах?

Х о р е м х е б. По правде сказать, не очень, государь. Митаннийская империя дышит на ладан. Царь хеттов захватывает одну ее провинцию за другой и уже приблизился к нашим границам.

А м е н х о т е п. Ну что ж. Один сосед меняет другого. Не впервой.

Х о р е м х е б. Сосед соседу рознь.

А м е н х о т е п. Ты еще не знаешь. Ко мне прибыл посол от хеттского царя.

Х о р е м х е б. Вот как? И с чем же он прибыл?

А м е н х о т е п. С предложением заключить между нашими державами мирный договор. Причем, на очень выгодных для Египта условиях.

Х о р е м х е б. Ого, дела обстоят еще хуже, чем я предполагал.

А м е н х о т е п. Почему?

Х о р е м х е б. Если сильный сосед сам предлагает тебе мир, да при этом еще и выгодный, то ... Похоже, нам надо серьезно готовиться к новой войне, государь. Так что наша победа над амореями просто дала нам передышку.

А м е н х о т е п. Наша победа над амореями ничего нам не дала, Хоремхеб. Она тоже оказалась напрасной.

Х о р е м х е б. Прости меня, великий Дом, я не ослышался? Ты сказал ...

А м е н х о т е п. Ты не ослышался, Хоремхеб, но это сказал не я, а верховный фиванский жрец. Он уверен, что через год амореи поднимут новое восстание. А мой славный главнокомандующий опять поведет в Сирию войска на их усмирение. И самое ужасное, что жрец, по всей видимости, прав. Этому нет и никогда не будет конца.

Х о р е м х е б. На то воля богов.

А м е н х о т е п. Что?

Х о р е м х е б. Верховный жрец общается с богами и знает, чего они хотят.

А м е н х о т е п. Но почему они хотят именно этого?

Х о р е м х е б. Как? Я не совсем понимаю ...

А м е н х о т е п. Зачем им надо, чтобы на земле непрестанно лилась кровь? Царили вражда, смута. Вершились несправедливость и зло. Отчего им так нравится постоянно стравливать нас друг с другом?

Х о р е м х е б. Значит, так им угодно нас наказать.

А м е н х о т е п. За что?

Х о р е м х е б. За наши грехи.

А м е н х о т е п. За какие же грехи они наказывают тебя, Хоремхеб?

Х о р е м х е б. Я не смею жаловаться на милость богов. Они дали мне в этой жизни очень много. Почти все, о чем только может желать смертный.

А м е н х о т е п. Да, боги дали тебе очень много. И власть, и богатство, и славу. Но при этом они отняли у тебя твою любимую жену и едва родившегося у вас младенца. И теперь ты врешься в бой, чтобы забыть об этой ране, постоянно ноющей у тебя в груди. И никакие победы и трофеи не способны возместить тебе эту утрату. Так за что же тебя постигла божья кара, Хоремхеб?

Х о р е м х е б. Я пролил слишком много крови на полях сражений.

А м е н х о т е п. Но разве не по воле богов ты лил эту кровь? Ведь все, что ты делал, было угодно им. Так за что же они наказали тебя, слепого исполнителя? За то, что ты исполнял их приказы?

Х о р е м х е б. Может быть, я делал это не так хорошо, как они хотели.

А м е н х о т е п. Ладно. Скажи тогда, зачем богам было угодно лишать жизни твоего ребенка? Того, кто еще просто не успел ни в чем перед ними провиниться.

Х о р е м х е б. Наверное, для того, чтобы я, ожесточившись, стал еще более безжалостным к врагам.

А м е н х о т е п. И пролил еще больше крови? Почему же они так ненасытны? И так несправедливы, что всегда первыми обрекают на страдания и гибель самых невинных.

Х о р е м х е б *(после паузы)*. Я не знаю, великий Дом. И мне, честно говоря, лучше об этом не думать. Когда воин начинает размышлять о посторонних вещах, армии приходит конец. А все эти вопросы тебе лучше задать верховному жрецу.

А м е н х о т е п. Кому? Жрецу? Да ведь они все просто жалкие рабы своих идолов. А что еще может ответить покорный раб, как не то, что его господин всегда и во всем прав. И при этом они хотят, чтобы мы были еще ниже и презреннее их. Чтобы мы стали рабами рабов. Потому и заставляют нас, как баранов, поклоняться выдуманному ими призракам.

Х о р е м х е б. Эти призраки создали наш мир.

А м е н х о т е п. Себе для потехи.

Х о р е м х е б. Они имели на это право.

А м е н х о т е п. Какое право?

Х о р е м х е б. Право сильного.

А м е н х о т е п. Разве можно судить о силе своего врага, не испытав ее на прочность?

Х о р е м х е б. Честно говоря, не хотел бы я себе такого врага.

А м е н х о т е п. Почему?

Х о р е м х е б. Боги властны над нашим будущим.

А м е н х о т е п. Кто тебе это сказал?

Х о р е м х е б. Это и так ясно. Разве может человек знать, что ждет его завтра?

А м е н х о т е п. Давай подумаем. Представь, что завтра тебе надо послать подмогу осажденной крепости, которая вот-вот падет. Что ты отправишь? Крупный пехотный отряд с громоздким обозом?

Х о р е м х е б. Он может опоздать. Прежде я отправлю туда сотню колесниц, чтобы сковать силы осаждающих до его подхода.

А м е н х о т е п. Но ведь мы говорим о грядущем. Завтра тебя может ждать поражение или победа. И оно зависит от твоего решения. А ты говоришь, над будущим властны только боги. Какие боги? Где они? *(Делает жест в сторону отсутствующих статуй.)*

Х о р е м х е б. Ты уже избавился от них. А я думаю, чего здесь не хватает.

А м е н х о т е п. Ну и что, по сути, изменилось?

Х о р е м х е б. Ну, если внешне, то в принципе, конечно, ... *(Пауза)*. А может, все дело в привычке, великий Дом?

А м е н х о т е п. В привычке?

Х о р е м х е б. Да. Ты просто не успел привыкнуть к тому, что существовало веками и во что другие, не задумываясь, слепо верят всю свою жизнь.

А м е н х о т е п. Не успел, или не захотел?

Х о р е м х е б. Неважно. Знаешь, как ветер Ливийской пустыни медленно точит каменные плиты великих пирамид, так и привычка незаметно тупит наши чувства. После того, как я убил своего первого врага, меня всего вывернуло от тошноты. После десятого во мне уже проснулся аппетит. А боги ... В сущности, они ведь не такие уж страшные и злые. Даже наоборот. Вспомни, как часто они дарили нам богатые урожаи и отводили от разных напастей.

А м е н х о т е п. Они давали? И они отводили?

Х о р е м х е б. Ну а кто. Ты можешь сказать точно, кто управляет нашим миром? Благодаря кому и ради чего мы живем? Людей всегда будут волновать эти вопросы, и они не могут долго оставаться в неведении. Нам гораздо проще умереть, осознавая во имя чего мы приносим в жертву свою жизнь, чем жить, не имея четкого представления о ее цели. Нам нужны ответы. Причем четкие, ясные и безотложные. И наша религия их нам давала. Может быть, эти ответы были лживы, но зато убедительны, а потому действенны. Поверь, государь, нам не так легко будет найти достойную замену тем, кого ты назвал призраками.

А м е н х о т е п. А я и не собираюсь искать им никакой замены.

Х о р е м х е б. Но ты же не можешь вообще обойтись без бога.

А м е н х о т е п. В том-то и дело, что уже могу. Я нашел бога в себе, Хоремхеб. Не хочешь последовать моему примеру?

Х о р е м х е б *(задумчиво)*. Стать самому себе страхом и утешением. Исповедником и судьей. Нет, великий Дом, я боюсь, такая ноша будет слишком тяжела для моих плеч.

А м е н х о т е п. И это говорит самый сильный и храбрый человек во всем Египте. Чего же тогда стоят все остальные. *(Пауза.)* Да, ты прав, без бога вам действительно не обойтись. На кого же еще тогда вы будете перекладывать ответственность за свое неразумие и трусость? Хорошо, я дам вам нового бога. Но он будет только один, как и положено подлинному творцу и властителю. Его теперь никто уже не посмеет представить себе шакалом, ибисом или коровой. Тем более человеком.

Х о р е м х е б. Но бог не может быть пустотой. Он обязательно должен иметь какой-то облик. Ему не завоевать сердца людей, если он не будет близок, прост и нагляден.

А м е н х о т е п. Да, нагляден, но не постижим. Прост, но не зауряден. Близок, но не доступен. Только то, что обладает всеми этими качествами, лучше всего годится для обожествления. Поэтому мы сделаем нашим богом ... Солнце! У нас когда-то был бог солнечного диска Атон. Его потихоньку отодвинули в сторону и забыли. Мы вновь вернем его к жизни. А он поможет начать новую жизнь нам самим. *(Пауза.)* Ну, что ты на все это скажешь, Хоремхеб?

Х о р е м х е б. Я ... скажу, что эти замыслы достойны великого властителя. Для которого на земле не осталось больше ни одного достойного соперника. Но ...

А м е н х о т е п. Но?

Х о р е м х е б. Ты сам знаешь, великий Дом, намеченной цели достигает только та стрела, что выпущена из крепкого и тугого лука. Но легко ли натягивать такой лук?

А м е н х о т е п. Ну, если твоя рука придет мне на помощь ...

Хоремхеб после паузы протягивает фараону руку. Аменхотеп пожимает ее и заключает генерала в объятия.

А м е н х о т е п. Я знал, брат мой, знал, что ты будешь со мной. Теперь перед нами не устоит ничто.

К А Р Т И Н А Т Р Е Т Ь Я

Место действия предыдущих картин. На самом видном месте - массивное изображение солнечного диска. Аменхотеп с кубком в руке сидит у подножия своего трона. Рядом с ним, на столике, стоит кувшин с вином и еще один кубок. На сцене появляется стражник.

С т р а ж н и к. Великий Дом! Верховный фиванский жрец доставлен по твоему приказу.

А м е н х о т е п. Заводи.

Стражник делает знак за кулисы. Медленно выходит верховный жрец. Стражник хочет, подтолкнув, ускорить его движение, но встретившись с ним взглядом, отводит руку и поспешно удаляется. Жрец так же неторопливо подходит к Аменхотепу и останавливается в нескольких шагах от него.

А м е н х о т е п. Ну здравствуй, великий жрец. Проходи, садись. Выпей со мной вина.

В е р х о в н ы й ж р е ц *(продолжает стоять)*. Тебе прекрасно известно, великий Дом, что я ...

А м е н х о т е п. Известно, известно. Не пьешь. Прилюдно. Но кто знает, чем вы там занимаетесь в своих кельях. Вдали от посторонних глаз. *(Пауза.)* Чему ты улыбаешься?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тому, что получил еще одно подтверждение старой истины.

А м е н х о т е п. Это какой же?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Людям всегда свойственно истолковывать именно дурным образом все, что им непонятно,

А м е н х о т е п. Почему дурным? Разве в том, чтобы поднять чашу с живительной влагой, есть что-то предосудительное? *(Отпивает из своего кубка.)* Прекрасное вино! Может, все-таки попробуешь?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Зачем? Мне нет нужды дурманить свой разум и будоражить кровь. Моя совесть чиста, а мысли не воюют друг с другом.

А м е н х о т е п. Но мне так хочется тебя чем-нибудь угостить. Может быть, ты хочешь женщину? Я пришлю тебе самую красивую наложницу из моего гарема.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Не утруждай себя, государь. Твои красавицы мне тоже не нужны.

А м е н х о т е п. Что так? Ослаб плотью? Или принципы?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да нет. Я просто предпочитаю хранить верность своей невесте.

А м е н х о т е п. У тебя есть невеста? Интересно, и кто же она?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Смерть. Я повенчан с ней с рождения, и вся моя жизнь - это подготовка к свадьбе со своей суженой.

А м е н х о т е п. Да, тебе и вправду трудно угодить.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Только глупец стремится угодить ближнему, потакая его низменным страстям.

А м е н х о т е п. А если это делает человек умный?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Значит, он этого ближнего ненавидит.

А м е н х о т е п. Ну и чем же, по-твоему, вызвано *мое* стремление угодить тебе? Ненавистью? Или глупостью?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Страхом.

А м е н х о т е п. Страхом?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да. Ты задумал сделать то, что должно напугать меня, но чего ты ужасно боишься сам.

А м е н х о т е п. Ошибаешься, жрец. Все мои страхи в прошлом. Да и ты, я знаю, не из пугливых. Я пригласил тебя, чтобы сообщить одну новость. Правда, боюсь, она вряд ли придется тебе по вкусу. *(Пауза.)* Дело в том, что ... мой отец, великий и всемогущий бог Амон-Ра ... умер.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тоже мне новость. Любому младенцу известно, что великий Амон каждый день на закате солнца умирает, чтобы, спустившись в царство тьмы, на рассвете вновь занять свое место на небе.

А м е н х о т е п. Всё, отныне вакансия свободна. Он ушел в царство тьмы навсегда. Осирис, Исида, Гор и вся остальная компашка дружно отправились следом.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И откуда же узнал эту новость ты?

А м е н х о т е п. Да от него же. Он сам, мой отец, шепнул мне ее на ухо перед своей кончиной. И при этом посетовал, сколь же много развелось на земле шарлатанов, вещающих от его имени. Хотя право обратиться прямо к богу дано от рождения каждому человеку.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Обратиться с вопросом еще не значит услышать ответ.

А м е н х о т е п. Это все равно лучше, чем услышать его из уст заинтересованных толкователей.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Даже если они заинтересованы в торжестве справедливости и порядка?

А м е н х о т е п. От которых сами же больше всего и выигрывают. И приобретают.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да, я очень много выиграл за всю свою жизнь. И приобрел. *(Смотрит на свои босые ноги и трогает рукой ветхий хитон.)*

А м е н х о т е п. Ну, уж что-что, а приbedняться вы умеете. Да всё золото царской казны - ничто, по сравнению с той властью, которую вы так лихо прибрали к своим рукам!

В е р х о в н ы й ж р е ц. Разве может что-то в этом мире сравниться с властью великого египетского владыки?

А м е н х о т е п. Хорош владыка, если он не волен сделать даже шага без вашего ведома и подсказки. Смешно сказать, вся моя жизнь расписана вами от минуты до минуты. Даже спать с женой я должен под вашим присмотром! И к чему тогда всё мое происхождение, мой титул?

В е р х о в н ы й ж р е ц. А действительно, к чему? Многим, прежде чем жаловаться на выпавшую им долю, стоило бы попенять на свой разум. Да, сама судьба предназначила тебе видеть во всем том, что тебя окружает, лишь объект для своих притязаний. Но знай, ты вправе предъявлять их миру лишь пока рядом с тобой находимся мы. Те, единственные, кто может заставить тебя предъявить требования к самому себе.

А м е н х о т е п. А с какой это стати сын бога должен вечно ходить у кого-то на поводу?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Дети всегда останутся детьми, и без присмотра им не обойтись.

А м е н х о т е п. Я уже давно вышел из детского возраста, жрец, просто ты этого так и не успел заметить.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Человек может достичь зрелости лишь тогда, когда подчинение священному и великому закону жизни станет для него даже не долгом, а потребностью.

А м е н х о т е п (*передразнивает его*). Священному! Великому! Да то, что вы называете этим словом - всего лишь воспитанная вами и нужная только вам привычка!

В е р х о в н ы й ж р е ц. Привычка людей следовать закону подтверждает его истинность.

А м е н х о т е п. Откуда ты можешь знать, что истинно в этом мире, а что нет.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Я общаюсь с теми, кто этот мир создал и правит его судьбой.

А м е н х о т е п. Общался. До тех пор, пока они не решили сменить собеседника.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты зря льстишь себя надеждой, великий Дом. Именно тебе никогда не суждено удостоиться этой милости. Ты захотел с ними сравниться.

А м е н х о т е п. Милости можешь оставить себе, жрец, а я уж как-нибудь обойдусь и без жалких подачек. А теперь слушай меня внимательно. Слушай и запоминай. С этого момента право решать, что истинно, а что нет, принадлежит в этой стране мне и только мне. Я один отныне устанавливаю в ней законы и порядок. Те законы, которые будут нужны именно мне, и тот порядок, который я сочту необходимым.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ах вот оно что! Я тебя недооценил. Ты хочешь не только стать равным богам, но еще и занять их место.

А м е н х о т е п. Хотел. Но передумал. Слишком резкие перемены у многих могут вызвать головокружение.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И рвоту.

А м е н х о т е п. Возможно. Поэтому богом у нас пока побудет тот, кто в семейке ваших хозяев был всего-навсего бедным пасынком. (*Подходит к изображению солнечного диска и похлопывает по нему рукой.*) Наш маленький, скромный Атон!

В е р х о в н ы й ж р е ц. И как долго он будет наслаждаться подаренным ему счастьем?

А м е н х о т е п. До тех пор, пока люди в этой стране не осознают, наконец, что каждый из нас - это бог в маленькой вселенной своего духа.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Понятно.

А м е н х о т е п. Что тебе понятно?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что ты окончательно лишился рассудка. Ты всерьез собрался разрушить пирамиду, которую мы возводили веками.

А м е н х о т е п. На костях людей, которых вы превратили в бессловесных рабов.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Мы дали им взамен гораздо больше.

А м е н х о т е п. Что же?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Цель. И веру. Мы наполнили их земное существование высшим, и, в то же время, понятным им смыслом. И на этой вере держался мир, в котором они жили, исправно трудясь и не забывая себе голову ненужными сложностями. Но вот теперь ты решил смутить их непорочные и слабые души. Мало того, что ты возомнил себя героем, не ведающим страха и не признающим никаких святынь. Ты призываешь еще и всех остальных последовать твоему примеру. Зачем? Скажи мне, зачем простому землепашцу посягать на вековые устои своей жизни? И пытаться найти ответы на вопросы, перед которыми всегда будут бессильны даже самые светлые и изощренные умы.

А м е н х о т е п. Затем, чтобы почувствовать себя в силах самому распоряжаться своей судьбой. А не безропотно плестись туда, куда повернут поводья оседлавшие его паразиты.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И ты надеешься что-то построить, пробудив в людях дух сомнения и непокорства?

А м е н х о т е п. А ты считаешь, что это можно сделать, лишь рассчитывая на их невежество и страх?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну, по крайней мере, до сих пор ...

А м е н х о т е п. На свете, жрец, нет ничего неизблемого. Ты говоришь, на вашей вере держался мир? Странно. Сегодня, одним указом, я отменил тех, кто, по твоим словам, этот мир создал и правил его судьбой. Как видишь, мир от этого не рухнул, и его не поглотила тьма.

В е р х о в н ы й ж р е ц. В одной стране правитель вздумал отменить солнце. Ради этого он велел ослепить всех своих подданных. Разве солнце от этого исчезло? Покуситься на что-то еще не значит преуспеть. И миру незачем принимать на себя вину за неразумие одного человека.

А м е н х о т е п. Но ведь и сам я, еретик, тоже остался цел и невредим.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Остался. Пока. Потому что на самом деле, в душе, ты еще боишься мести богов. А они мудрее смертных. И знают, что кара всегда бывает больше всего тогда, когда человек становится уверен в собственной безнаказанности.

А м е н х о т е п. Любые кары - ничто, по сравнению с тем, что я уже приобрел.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И что же ты, интересно, приобрел?

А м е н х о т е п. Свободу.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Свободу? А зачем она нужна тому, кто к ней не привык? Чтобы употребить во вред себе и своим ближним?

А м е н х о т е п. Свобода - это право человека самому решать, что ему во вред, а что во благо.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Для того чтобы отличить одно от другого, нужны не права. А мозги.

А м е н х о т е п. Возможно. А что, кроме вас, жрец, ими больше никто не обладает? Ум это не только знания. Которыми владеешь ты и твои приспешники. И которые вы прячете, как скопидом зерно в амбарах. Оно будет гнить, но не достанется больше никому. Иначе как же вы тогда сможете держать людей в подчинении.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А ты что же, хочешь открыть эти амбары? Кому? Своим неразумным и нерадивым подданным? Чтобы сегодня они обожрались от изобилия и выблевали все назад, а завтра уже снова ходили с голодным брюхом и протянутой рукой? Да, ты неглуп, государь, и у тебя есть власть, которую ты, как всякое дитя, олицетворяешь со свободой. Но для того, чтобы вступить в бой с богами, этого мало. Нужны еще мужество и сила. Ты вознамерился управлять теми, кому хочешь открыть свет истины? Смело. Но хватит ли у тебя сил хотя бы на то, чтобы повелевать неразумными, слепо бредущими во тьме?

А м е н х о т е п. Не беспокойся, жрец, хватит.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Сомневаюсь.

А м е н х о т е п. Время покажет. *(Хлопает в ладоши, после чего выходит стражник и замирает по стойке «смирно».)* Боюсь не всем, правда, удастся это проверить.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты решил лишиться этой возможности меня?

А м е н х о т е п *(усмехается)*. Может быть ты прав, жрец, и я действительно не так умен. Но не до такой же степени, чтобы собственноручно делать из тебя мученика. Возвращайся к себе в подземелье и продолжай ждать свою суженую. Кто знает, вдруг она уже соскучилась по тебе?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну что ж, прощай, Аменхотеп, сын Аменхотепа. Некогда великий царь, некогда великой державы. Впрочем, и имя твое тоже осталось в прошлом. Какой ты Аменхотеп? Ты теперь решил служить другому богу.

А м е н х о т е п. Верно, Аменхотеп тоже остался в прошлом. Тот, кого ты сейчас перед собой видишь, отныне будет носить другое имя.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Какое же?

А м е н х о т е п. Эхнатон.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Эхнатон? Угодный Атому?

А м е н х о т е п. Вот именно, угодный. Но это вовсе не значит, что я ему буду угождать так же, как ты своим хозяевам. Ступай и моли их, чтобы они позволили тебе остаток твоих дней провести спокойно и мирно.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Зачем? Я всегда молю богов только об одном. Дать мне то, что они сами считают для меня полезным. *(Уходит.)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Покои верховного фиванского жреца. Строгое убранство: каменное ложе, низкий столик, топчан. Жрец сидит на ложе в медитативной позе. Входит Усеркаф, его ученик.

У с е р к а ф. Великий жрец позволит мне нарушить его покой?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Входи, Усеркаф.

У с е р к а ф *(подходит к столу и задувает светильник)*. Ты всю ночь провел без сна. Это плохо.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Плохо, что ты догадался об этом по уровню масла в лампе, а не по моему лицу.

У с е р к а ф. Твое лицо всегда непроницаемо.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Непроницаемым может быть только лицо покойника. Хотя опытные бальзамировщики и по нему способны прочесть книгу жизни усопшего.

У с е р к а ф. Ничего удивительного, мертвец беззащитен перед чужим взором. Ведь он уже не может, как при жизни, надеть маску лицемерия.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А как нам при жизни человека заглянуть под эту маску? Чем можно заставить его ее снять?

У с е р к а ф. Страхом. Это самый действенный способ.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Возможно. Но он же и самый бесполезный. Скажи мне, почему.

У с е р к а ф *(после паузы)*. Может быть, потому, что в этом случае под маской можно ничего не обнаружить. У человека, охваченного страхом, вообще нет лица.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Как же нам тогда решить свою задачу?

У с е р к а ф. Надо вовремя помешать человеку эту маску надеть.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Каким образом?

У с е р к а ф. Застав его врасплох.

В е р х о в н ы й ж р е ц *(достает из шкатулки маленькую фигурку жука и протягивает ее ученику)*. Держи своего скарабея.

У с е р к а ф *(берет фигурку)*. Еще один. За каждый удачный ответ ты даешь мне этих вырезанных из камня жучков. Но зачем? Их у меня уже несколько сотен.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Это зерна мудрости. Из них ты сложишь пирамиду своей будущей власти над людьми. *(Делает приглашающий жест.)*

У с е р к а ф *(садится на топчан)*. И чем же ты занимался всю ночь, великий жрец, если это не секрет?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Какие у меня могут быть секреты от своего ученика. Я наблюдал за расположением звезд и планет. Они мне сообщили много интересного.

У с е р к а ф. Например?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Например, я узнал, что ближайшее будущее не сулит ничего хорошего нашему отступнику.

У с е р к а ф. Вот как.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты отвел глаза, чтобы скрыть недоверие к моим словам?

У с е р к а ф. Ты сам вооружил меня сомнениям, учитель. Так скажи, между нами, неужели и в самом деле расположение звезд на небе может повлиять на судьбу человека?

В е р х о в н ы й ж р е ц. На это может повлиять даже расположение пыли под ногами. Но что было главным звеном в цепи причин, вызвавших то или иное изменение, ни одному смертному никогда не суждено будет узнать достоверно и точно.

У с е р к а ф. И даже нам?

В е р х о в н ы й ж р е ц. А чем мы лучше других. Наше преимущество состоит лишь в способности выдвигать более обоснованные предположения. Но люди так устроены, что они не могут жить в неведении. Им нужна ясность. Иначе их слабый разум впадает в смятение и выходит из-под контроля. И наша роль - дать людям нужное объяснение. Но находить для них первопричины явлений мы должны ... где? *(Вопросительно смотрит на ученика.)*

У с е р к а ф. Там, куда они ни за что не смогут добраться, возникни у них сомнения в нашей правоте.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А звезды так далеки, так недостижимы.

У с е р к а ф. И пока существует род людской, простаков всегда будут дурачить толкованиями звездной геометрии.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что для простаков догма, для умного намек. Нынешнее местоположение и яркость звезды Сопдет поведало мне о том, что в этом году вода в Ниле не поднимется выше, чем на десять локтей. А это значит, что...?

У с е р к а ф. В скором времени нас ждет засуха и неурожай.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Верно. А беды, как известно, никогда не приходят в одиночку.

У с е р к а ф. Да, и никого не минуют. Вот и наши дела тоже оставляют желать лучшего. За последнюю неделю от нас ушли еще пятеро наших братьев.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что ж в этом плохого? Те, кто еще может уйти, должны нас покинуть. С нами останутся лишь те, кому идти некуда. И незачем.

У с е р к а ф. Непонятно только, почему они так долго ждали. Им хватило выдержки на долгих четырнадцать лет, и вот она вдруг закончилась.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Появление ребенка на свет ждут девять месяцев. И все равно родовые схватки всегда наступают внезапно. Что же тогда говорить о поступках человека? Ведь никому не дано проследить за созреванием решения их осуществить.

У с е р к а ф. А почему люди вообще идут на предательство?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну ты и спросил. Трусость. Слабость. Расчетливость. Усталость. Глупость. Выбери. Или складывай. Есть только одна причина, почему люди на него не идут.

У с е р к а ф. Какая?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Они знают цену, которую за это придется заплатить. *(Пауза.)* Тебя еще что-то беспокоит?

У с е р к а ф. Да. Запасов продовольствия в храме осталось не более чем на два дня.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Пустяки. Мы их распределим на месяц. За это время люди нам что-нибудь поднесут.

У с е р к а ф. Последнее время нам приносят еду только бедные землепашцы, а у них самих дела идут все хуже и хуже.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Зато нет ничего вкуснее скудных лепешек бедняков. Особенно, когда ты знаешь, что эти люди не оставят тебя до конца.

У с е р к а ф. На чем основана твоя уверенность ?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Так гласит великий закон пирамиды. *(Берет со стола фигурку пирамиды и показывает ее ученику.)* Смотри. Щедрость всегда находится на противоположном конце от достатка. Чем больше богатство человека, тем меньшей его частью он готов поделиться. И наоборот. Поэтому даже те вельможи, которые ненавидят новые порядки, не пришлют нам и пол-лепешки. Но только до тех пор, пока ... ?

У с е р к а ф. Не начнут сомневаться в силе того, кто эти порядки установил.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Принимай второго жука. *(Протягивает еще одну фигурку.)*

У с е р к а ф. Скоро ли наступит такой день?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Скоро, Усеркаф. Скоро.

У с е р к а ф. Об этом тебе тоже поведали звезды?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нет, воздух. Смятение душ человеческих имеет свой запах. И ты его тоже должен научиться распознавать.

Шум за сценой. Усеркаф устремляется за кулисы, но его тут же вталкивает обратно вошедший воин, который, замерев по стойке «смирно», пропускает вперед себя Хоремхеба и еще двух солдат, ведущих связанного жреца.

Х о р е м х е б. Ну вот мы, наконец, и в святая святых. Подумать только, а ведь раньше простой смертный не смел даже и помыслить о том, чтобы переступить этот порог. *(Проходит, оглядывая внутреннее убранство.)* Да, простота - спутница мудрости. А смирение - ее поводырь. Не правда ли, великий жрец?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Правда, если тебя в этом убедил твой собственный опыт.

Х о р е м х е б. Мой самый последний опыт убедил меня в обратном. Один из твоих рабов, забыв всякое смирение, осмелился мне перечить, когда я хотел сюда войти.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты ошибаешься, великий воин, он не раб.

Х о р е м х е б. А кто же тогда?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Мой младший брат.

Х о р е м х е б. И как же я должен наказать твоего брата за его дерзость?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Точно так же, как ты наказываешь своих солдат, когда они добросовестно выполняют все твои приказы.

Х о р е м х е б *(после паузы, обращаясь к своей свите)*. Отпустите его!

Стражники развязывают задержанного, и тот, по кивку верховного жреца, удаляется.

Х о р е м х е б. Ну, рассказывай, как поживаешь, Аменхотеп, сын Хапу. *(Пауза.)* Ты прав, глупый вопрос. Разве можно назвать живущим того, кто убил все свои желания?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Жизнь - это территория духа. Желания - посягающие на нее враги. Разве можно назвать царствующим на своей земле того, кто постоянно уступает притязаниям врагов и умножает их количество?

Х о р е м х е б. Да, давненько я не слышал твоих суемудрий. Сколько же времени убежало с тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Время неподвижно, Хоремхеб. Это мы бегаем вокруг него, чтобы однажды вновь вернуться к тому, от чего когда-то пытались отказаться.

Х о р е м х е б. Ну ты-то уж, наверное, единственный в этом мире, кто никогда ни от чего не отказывался. Даже имя свое не соизволил изменить. Неужто Амон по-прежнему доволен тобой?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Конечно. Иначе разве он доставил бы мне радость встречи с таким достойным человеком.

Х о р е м х е б. Радость? Хм. Я боюсь, ты не очень хорошо представляешь себе цель моего прихода.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну почему. Ты пришел сюда искать виновных в тех бедах, что постигли Египет из-за неразумия твоего хозяина. Но тебе не дано знать, что в результате этих поисков обретет каждый из нас.

Х о р е м х е б. Значит, ты считаешь, что причиной наших бед является чье-то неразумие? А, может быть, это результат чьей-то злой воли?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Козни недругов - самое простое объяснение и очень удобное оправдание своей неспособности править достойно и мудро. Правда, за эти простоту и удобство всегда приходится платить.

Х о р е м х е б. Чем же?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тем, что со временем человек неизбежно начинает верить в реальность собственных фантазий.

Х о р е м х е б. Фантазий, говоришь? *(Свите.)* Папирус! *(Берет переданный ему свиток и разворачивает его.)* Смотри сюда внимательно, Аменхотеп, сын Хапу, и не менее внимательно слушай. Вот в этой бумажке некто Каапер, другой твой брат, своею собственною рукою описал нам все, чем вы здесь втайне занимаетесь. О всех ваших пакостях и интригах. О том, как вы дурите народу голову, пороча все наши начинания. Как вы подбиваете его прятать излишки продуктов и не платить подать. Как вы шлете гонцов, чтобы вступить в сговор с хеттским царем. Как вы ... Да ты совсем не слушаешь, что я тебе говорю.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Не слушаю.

Х о р е м х е б. Тебе не интересно, в чем вас обвиняет ваш бывший ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нет. Мне гораздо интересней знать, что по этому поводу думаешь ты сам. А для этого мне достаточно просто на тебя посмотреть. Уста человека постоянно лгут, глаза всегда говорят правду. Не все, правда, способны читать то, что в них написано.

Х о р е м х е б. И что же написано в моих глазах?

В е р х о в н ы й ж р е ц. А давай спросим об этом у моего ученика. *(Смотрит на Усеркафа.)*

У с е р к а ф. Человек начинает искать оправдание своим поступкам тогда, когда у него возникают сомнения в собственной правоте. А если он находит это оправдание в явной лжи, это значит, что его сомнения стали непреодолимыми.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Молодец. Получай еще двух скарабеев!

У с е р к а ф. Почему двух?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Одного за сообразительность, другого за смелость.

Х о р е м х е б *(свите)*. Оставьте нас все! И этого умника *(кивает на Усеркафа)* прихватите с собой тоже.

Воины, грубо подталкивая перед собой Усеркафа, уходят.

Х о р е м х е б. Значит, ты догадался, жрец, зачем я к тебе пришел?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты пришел, чтобы убить меня. Хотя твой господин вряд ли похвалит тебя за самоуправство.

Х о р е м х е б. У меня есть своя голова на плечах.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Принятое тобой решение скорее доказывает обратное. Прежде всего тебе следовало бы убить свои сомнения. Расправившись со мной, ты их только приумножишь. Ладно, Хоремхеб, садись. Давай поговорим спокойно и откровенно. *(Заметив, как севиий на топчан Хоремхеб, не знает, куда деть мешающий ему свиток.)* Да брось ты этот папирус. К чему нам дурачить друг друга? И ты, и я, мы знаем цену признаниям подобного рода.

Х о р е м х е б. Этот человек дал свои показания добровольно. Его никто и пальцем не тронул. Да и изложено все это весьма складно.

В е р х о в н ы й ж р е ц. В этом и есть искусство доноса. Но прежде всего в умении предугадать желания того, кто его будет читать. *(Хоремхеб отшвыривает свиток в сторону.)* Ну вот. А теперь расскажи мне, как у вас обстоят дела.

Х о р е м х е б. У вас, это ...?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Вообще. В стране.

Х о р е м х е б. Да ... все хорошо, дела в порядке.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что с тобой, Хоремхеб? Я всегда знал тебя как честного и смелого воина. Почему же тебе сейчас не хватает мужества взглянуть правде в глаза? *(Пауза.)* Хочешь, я скажу, что тебя сильнее всего угнетает?

Х о р е м х е б. Попробуй.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Сознание того, что хотел то ты как лучше. Хотеть чего-то и знать, как этого добиться, увы, не одно и то же. Но и знать, как надо сделать, еще не значит сделать. Самое же главное - ты потерял веру в того, за кем все это время шел преданно и слепо.

Х о р е м х е б. Кто тебе это сказал?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты сам. Твои глаза.

Х о р е м х е б. Я не потерял веру. Просто ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Просто ...? *(Пауза.)* Ладно, я тебе помогу. Просто тебе начало казаться, что он, скажем так, немного не в себе.

Х о р е м х е б. Скажем так.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тебе потребовалось долгих четырнадцать лет, чтобы, наконец, это заметить.

Х о р е м х е б. Он не был таким вначале.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да что ты. А каким же он был?

Х о р е м х е б. Нормальным. Целеустремленным, деятельным, энергичным. Он взялся за преобразования, которые действительно были необходимы. Я не говорю сейчас о вере. Это другой вопрос. Но он начал наводить порядок в стране. Укрепил свою власть на местах. Разогнал всех бездельников, присосавшихся к теплым местечкам.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И заменил их отступниками, угодливо павшими ниц перед его Атоном. И те, кто выказал при этом большее усердие, получили лучшие места. Но ведь известно, что больше всего хочет изменить сложившийся порядок тот, кто при нем ничего не имел. И, дорвавшись до власти, эта свора в первую очередь принялась пополнять не государственную казну, а свои собственные закрома.

Х о р е м х е б. Ты бы видел, как зарвавшиеся вылетают пинком под зад.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И куда летят? Пополнять стан врагов? А кто приходит на их место? Еще более голодные и жадные?

Х о р е м х е б. Это издержки. В конце концов мы их всех приструним. Со временем все станет на свои места.

В е р х о в н ы й ж р е ц. С каким временем? Прежний порядок строился тысячелетиями, и все равно он был далек от совершенства.

Х о р е м х е б. Это потому, что он пережил самого себя. У старой финиковой пальмы постепенно засыхает ствол, и однажды наступает день, когда она перестает плодоносить.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ствол вашей пальмы зачах еще до самых первых соцветий.

Х о р е м х е б. Нет, жрец, ты не прав. Цветение было. Нам удалось вплеснуть свежую струю в застоявшееся болото.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И что в итоге? Ни болота, ни пруда. Так, ни то, ни сё.

Х о р е м х е б. Правильно. Любое дело надо доводить до конца. Но кто же знал, что ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что?

Х о р е м х е б. Что самого главного человека хватит так ненадолго. Что он однажды забросит все дела и впадет в апатию.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Я знал. И очень даже хорошо.

Х о р е м х е б. Ну и почему же так произошло?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Потому, что слишком уж гладко все у него получалось вначале. Человек быстро охладевает к тому, в чем у него долго нет везения. Но еще быстрее ему приедается то, в чем ему везет постоянно. Но не это главное.

Х о р е м х е б. А что?

В е р х о в н ы й ж р е ц. То, что, разрушив великую пирамиду, ваш Эхнатон вскоре понял, что построить свою собственную ему уже не хватит ни умения, ни времени, ни сил.

Х о р е м х е б. Я что-то не пойму, о какой пирамиде ты ведешь речь? Вроде все они стоят, как стояли.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Стоят фигуры. Видимости. А я говорю о другом.

Х о р е м х е б. О чем же?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Я открою тебе одну тайну, Хоремхеб. Каждая очевидная форма нашего бытия вытекает из невидимой духовной сущности. Идеи. Так вот, миром нашим правит идея пирамиды. По ее законам строится жизнь любой страны, любого народа. Ты видишь, пирамиду образуют четыре стороны. Но что они олицетворяют? *(Показывает Хоремхебу фигурку пирамиды, на что тот недоуменно пожимает плечами.)* Первая сторона - это воля тех, кто призван управлять вверенным им государством. Вторая - это труд его подданных. Третья - сила его армии. И четвертая - мудрость его духовных наставников. Конструкция наипрочнейшая. Но лишь до тех пор, пока верхушка пирамиды продолжает оставаться ее связующим и направляющим звеном. Запомни, полководец, лишь только правитель, чья первейшая обязанность - вести свой народ по пустыне в едином, пусть даже и неверном направлении, отпускает его плутать по ней в одиночку, так вся его пирамида тотчас начинает рассыпаться во прах. Что мы, собственно, и наблюдаем. Еще немного, и мы все погибнем под величественными обломками.

Х о р е м х е б. И ... какой же выход?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Попробуй сам ответить на этот вопрос.

Х о р е м х е б *(после паузы)*. Заменить верхушку?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Держи и ты своего скарабея. *(Протягивает фигурку жука.)*

Х о р е м х е б. Но кем?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тем, кто лучше всех других способен будет сохранить, точнее, уже восстановить расшатанную конструкцию.

Х о р е м х е б. Разве есть сейчас в Египте такие люди?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Такие люди есть всегда и везде. Беда в том, что подчас они просто не могут поверить в собственные силы. Периоды такого всеобщего безволия и называются смутой. И я боюсь, что мы сейчас стоим на пороге одного из них. Если даже самому отважному египтянину не хватает уверенности в себе.

Х о р е м х е б *(изумленно)*. Ты что же, жрец, прочишь меня в фараоны?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Я надеюсь, ты не станешь убеждать меня в том, что эта мысль никогда не приходила тебе в голову.

Х о р е м х е б. Я клянусь тебе всем, чем угодно, что ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. И даже в детстве, когда ты верховодил оравой сорванцов?

Х о р е м х е б. Ну, в детстве ... А сам-то ты что ж? Уж кому, как ни тебе претендовать на трон. Ты ведь лучше любого другого знаешь, что и как нужно делать на этом месте.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что будет, если одна сторона пирамиды сольется с другой, и они составят единое целое? Фигура потеряет форму, то есть, перестанет быть самой собой.

Х о р е м х е б. Но ты же хочешь, чтобы я, представляющий силу пирамиды, стал воплощать еще и ее волю.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Во-первых, хотение это не по моей части. Хотеть должен ты. Или не хотеть. Во-вторых, в чем проблема? Штандарт главнокомандующего ты передашь своему преемнику. А сам перейдешь в новое состояние. Я себе подобного позволить не могу, а тебе это пойдет только на пользу.

Х о р е м х е б. Даже ... если станет следствием предательства?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Выбор - это всегда предательство. Отвергнутого варианта. Ты сам должен решить, что для тебя важнее. Изменить великой истине и великому закону. Или издаваемому над ними безумцу. Поэтому, не давай мне сейчас никакого ответа. Поезжай в свой загородный дом и запишись там на недельку. Сразу вернувшись ко двору, ты только умножишь свои сомнения. Тебе же нужно избавиться от них. А это можно сделать лишь в полном уединении. *(Погружается в задумчивость. Затем открывает глаза и удивленно смотрит на Хоремхеба.)* Ты еще здесь? В добрый путь, Хоремхеб! Ты и так отнял у меня слишком много времени. Боюсь, могу не наверстать.

К А Р Т И Н А П Я Т А Я

Дворец фараона Эхнатона в Ахетатоне. Хоремхеб задумчиво прохаживается по сцене. Выходит Эйе. Заметив Хоремхеба, он настороженно останавливается, но затем подходит к нему.

Э й е. Я приветствую непобедимого Хоремхеба!

Х о р е м х е б. Мое почтение, мудрейший Эйе.

Э й е. Да, ... ничто так не укорачивает жизнь царедворца, как внезапные вызовы перед светлейшие очи. Ты случайно не в курсе, зачем это мы так спешно понадобились?

Х о р е м х е б. Понятия не имею.

Э й е. Странно все это. Последнее время государь не очень-то жаловал нас своим вниманием. И вдруг на тебе. Срочно явиться во дворец! Странно.

Х о р е м х е б. Когда странности повторяются раз за разом, они уже не должны вызывать удивление.

Э й е. Ну да, ну да. А в это время соседи на Востоке наглеют дальше некуда.

Х о р е м х е б. Разве только на одном Востоке?

Э й е. И провинции бузят. Что за год выдался. Одна напасть за другой.

Х о р е м х е б. Когда лев дремлет, его добычу растаскивают шакалы.

Э й е. А львята остаются голодными. *(После паузы, осторожно.)* Как бы нам разбудить льва, пока еще не все потеряно. А?

Х о р е м х е б. В чем же дело, многомудрый Эйе? Кому это лучше сделать, как ни родному дяде?

Э й е. Пробовал, Хоремхеб. И не единожды. Но мой венценосный племянник меня, увы, не слышит.

Х о р е м х е б. А ты попробуй перейти с шепота на крик. Может, получится.

Э и е. На крик? Хм. Я боюсь, у меня выйдет лишь жалкий писк. Каждый должен говорить голосом, данным ему от рождения.

Х о р е м х е б. Ну, не скромничай. Иногда твой голос заглушает все в округе. Я помню, как ты рыдал на похоронах своей сестры, великой царицы Тейе.

Э й е (*гневно*). Что?! И ты еще смеешь ... (*Осекается.*) Если б ты только знал, Хоремхеб, что для меня значит эта потеря. Сестра мне была дороже всего на свете.

Х о р е м х е б. Что ж ты так легко позволил ей его покинуть?

Э й е. Разве кто-то властен помешать предначертанному судьбой?

Х о р е м х е б. Накладывать на себя руки - всегда идти против предначертанного.

Э й е (*оглядываясь и понизив голос*). А с чего ты взял, что она ...

Х о р е м х е б. В мире нет ничего болтливей, чем дворцовые стены. А ты сильно рискуешь, скрывая от ее сына правду. Зачем ты велел объявить, что Тейе хватил удар?

Э й е. Да ради него же. Он мог счесть себя виновным. Начал бы страдать.

Х о р е м х е б. И искать, на кого переложить вину. Так о ком ты больше беспокоился, о нем или о себе? (*Пауза.*) И он тебе поверил?

Э й е. Вряд ли. Скажу тебе больше. Мне кажется, он заранее знал, что так кончится. Даже глазом не повел, когда я ему сказал. А сейчас, хотя прошел лишь месяц, уж и вовсе не вспоминает о том, что произошло. Словно его матери никогда не существовало на свете.

Х о р е м х е б. А его вообще уже ничего не интересует. Кроме этого мальчишки.

Э й е (*осторожно*). Ты имеешь в виду нашу новую царицу?

Х о р е м х е б. Царицу? И это говоришь ты, брат великой Тейе? Неужели ты потерял не только совесть, признавая белое черным, но и разум, поверив в это?

Э й е. Различает цвета не разум, а зрение. Разум придумывает им названия. Но в темноте предметы неразличимы, а цвет им придает только освещающее их светило. Значит, мир является таким, каким его хочет видеть солнце.

Э х н а т о н (*вышедший на сцену во время последней реплики*). Мир является нам таким, какой он есть. Солнце лишь помогает разглядеть его получше. И оно не виновато в том, что многие из нас до конца своих дней предпочитают оставаться слепыми. Что с тобой, дядя? Почему у тебя такой испуганный вид? А у тебя, Хоремхеб, такой угрюмый?

Х о р е м х е б. Разве? Обычный вид. Мы так давно виделись в последний раз, государь, что ты, наверное, уже успел это позабыть.

Э х н а т о н. Я ничего не забываю, Хоремхеб. Хотя многие, почему-то, думают, что у меня плохая память. Но ты прав, мы действительно давненько не виделись. Поэтому я и пригласил вас сегодня ко мне, во дворец. Да и повод имеется. К нам прибыл караван с посольством от хеттского царя. Послушаем, что он желает мне сообщить. Кстати, дядя, не пригласить ли нам сюда и мою новую жену, царицу Семнехкару? Пусть потихоньку привыкает к церемониалу. Как думаешь?

Э й е. Конечно, пусть привыкает. Царица есть царица.

Х о р е м х е б. Великий дом!

Э х н а т о н. Что такое, Хоремхеб?

Х о р е м х е б. Я прошу тебя избавить меня от встреч с этим ...

Э х н а т о н. Как ты смеешь так говорить о царственной супруге фараона! Берегись, Хоремхеб, не шути с огнем!

Х о р е м х е б. Я солдат, государь, а не придворный холуй. Мне можно связать руки и залить расплавленной медью рот. Но даже тебе не под силу надеть оковы на мои мысли.

Э х н а т о н (*после паузы*). Прости меня, брат мой. Ты знаешь, как я люблю тебя. Но даже ты не хочешь меня понять.

Х о р е м х е б. Да как же не хочу. Еще как хочу. Но ... (*беспомощно разводит руками.*)

Э х н а т о н. Ты помнишь мою прабабку, царицу Хатшепсут? По законам Египта женщина не вправе претендовать на трон. Но когда жрецам это стало выгодно, вопрос был решен в два счета. Ссылаясь на волю богов, они объявили Хатшепсут мужчиной, нацепили на нее корону, и никому в этой стране не пришло даже в голову усомниться в такой вопиющей лжи. А я чем хуже? А, дядя? Да ничем. Я тоже доказал всем, что в состоянии произвести подобное превращение. Только из мужчины в женщину.

Э й е. Дело в том, дорогой племянник, что жрецы, объявляя твою прабабку мужчиной, объяснили это результатом действия высших сил. Ты, делая тоже, ссылаешься на собственную прихоть. И надеешься, что это всерьез воспримут те, кого ты учишь сомневаться во всем и самим искать объяснения непонятному? Только ради бога, не отвечай мне, умоляю.

Э х н а т о н. Почему?

Э й е. Мне кажется, я скоро свихнусь. От всей этой зауми. И словоблудий. В которых мы погрязли. Уже по самую макушку. Честное слово, как будто других забот нет.

Э х н а т о н. Например, каких?

Э й е. Каких? Да таких, что ... у меня даже язык не поворачивается это произнести. Одним словом, государственная казна пуста, великий Дом. С чем я нас всех и поздравляю.

Э х н а т о н *(равнодушно)*. Вот как? *(Смотрит на Хоремхеба.)*

Х о р е м х е б. А чего ж еще ожидать? Новых завоеваний не ведем. Дань не собираем.

Э й е. Да что там дань! Даже наши собственные земли отказываются платить подать.

Э х н а т о н. Может быть, они просто не в состоянии это делать? Такой засухи, как в этом году, не было уже лет двадцать.

Э й е. Нет такой причины, государь, которую нежелающий отдавать долг не смог бы привести в свое оправдание. До тех пор, пока его не подвесят за ноги и спрятанные денежки сами не вывалятся у мошенника из-за пазухи. Поверь мне, дорогой мой племянник, сын моей любимой сестры Тейе. Я знаю натуру человека. Люди таковы, что ослабление нажима на них они склонны объяснять только одним. Бессилием их правителя. Других объяснений для них не существует. Народ ведь, как женщина, может полюбить кого угодно. Урода, глупца, мерзавца. Даже самого последнего изверга. Но слабый человек, несмотря на все свои достоинства, никогда не завоеует его симпатий. Слабый человек всегда и у всех будет вызывать только одно. Стремление побольше у него вытянуть. И поменьше отдать обратно.

Э х н а т о н. То есть, во всех наших бедах виновата несовершенная человеческая природа? Ну, в принципе, нормальное оправдание. Собственной нерадивости и лени.

Э й е. Зачем ты так, великий Дом. Я ... да мы все днем и ночью, не смыкая глаз ...

Э х н а т о н *(перебивает его)*. Думаете только о том, как бы чего отнять у слабого соседа. Да выдоить из своих беззащитных подданных. Ни на что другое ваших фантазий уже не хватает. А зачем? Когда есть такие проверенные способы.

Э й е. Хорошо, пусть грабеж и поборы не самые, скажем так, безупречные способы. Но чего добился ты в результате своей справедливой и великодушной политики?

Э х н а т о н. Не так уж и мало, дядя. Я дал людям почувствовать себя хозяевами на своей земле.

Э й е. И что вместо признательности?

Э х н а т о н. Пока то, что есть. А что ты хочешь? Властители веками приучали народы видеть в них только обирающих его паразитов. Людям нужно время, чтобы всё понять и ...

Э й е. А нам? Что делать нам? Сидеть с пустыми закромами и ждать, пока они всё поймут и соблаговолят, наконец, отсыпать нам толику зерна от своих щедрот?

Э х н а т о н. А что предлагаешь ты?

Х о р е м х е б. Великий Дом, позволь мне!

Э х н а т о н. Говори, Хоремхеб.

Х о р е м х е б. Завтра же я разошлю по провинциям свои отряды, и ...

Э х н а т о н. И ...?

Х о р е м х е б. И научу всех ценить доброту и терпимость своего правителя.

Э х н а т о н. Ты хочешь начатое милосердием завершить кровью? Свести на нет все, что я сделал? Но ведь это значит предать самого себя, Хоремхеб. Неужели ты этого не понимаешь? Зачем тогда стоило все затевать?

Входит слуга.

С л у г а. Великий Дом! Посол хеттского царя прибыл во дворец и просит его принять.

Э х н а т о н. Уже? Прибыл? Вот это прыть. Ну что ж, пусть войдет.

Слуга уходит. Входит посол и опускается перед Эхнатомом на одно колено. Эхнатон жестом велит послу встать.

П о с о л. Богоравный царь всех хеттов, властитель Вифинии, Карики, Киликии и Сирии, приветствует своего брата - великого египетского владыку и просит принять от него в знак уважения и дружбы караван из ста верблюдов, груженных драгоценными дарами.

Э х н а т о н. Из ста? Воистину щедрость хеттского царя не знает границ. Н-да. Ты когда-нибудь бывал на Кипре, посол?

П о с о л. На Кипре? Нет, великий государь. Но почему ты спрашиваешь?

Э х н а т о н. На этом острове делают чудесную настойку из мака. Если ей напоить человека, а затем отсечь ему руку, он не почувствует боли.

П о с о л. Прости меня, многомудрый владыка, я не совсем хорошо понимаю ...

Э х н а т о н. Настойкой, посол, ты меня уже угостил. Теперь доставай свой меч. И так, чего от меня хочет твой царь? Ну, не робей! И не тни время. Говори смело и без обиняков.

П о с о л (*неуверенно*). Мой царь хочет, чтобы ты, государь, уступил ему часть своих сирийских земель к северу от Мегиддо.

Э х н а т о н. А почему он считает, что я должен ему их уступить?

П о с о л. Эту область захватил твой прадед, великий Тутмос. Но до этого она никогда не принадлежала Египту.

Э х н а т о н. А ты, вообще, знаешь такой народ, чьи права на его земли нельзя было бы оспорить? Кстати, давно ли сами хетты появились в Вифинии и Сирии? (*Пауза.*) У твоего повелителя есть более убедительные доводы?

П о с о л. Есть, государь.

Э х н а т о н. Говори.

П о с о л. Пусть великий царь Египта меня простит, но ему все равно не будет прока от этих владений.

Э х н а т о н. Это почему же?

П о с о л. Вряд ли он сумеет надолго удержать их в своем подчинении. Ему надо сначала навести порядок в собственном доме.

Х о р е м х е б. Послушай, посол! А не кажется ли тебе и твоему царьку, что ...

Э х н а т о н (*перебивает его*). Подожди, Хоремхеб. (*Послу.*) Я вижу, ты смелый и неглупый человек, посол. Поэтому я хочу, чтобы ты дал мне совет.

П о с о л. Совет? Тебе?

Э х н а т о н. Да. Скажи, что хуже: принять ошибочное решение или не принимать никакого?

П о с о л (*после паузы*). Сделав шаг в сторону, мы становимся дальше от того, к чему шли, чем оставаясь на месте.

Э х н а т о н. Ясно. Значит, так. Если я отдам твоему царю часть своих земель, он подумает, что я струсил, и вскоре потребует от меня еще больших уступок. Если откажусь это сделать, он захочет отнять их у меня силой и ввяжет в новую разорительную войну. Так?

П о с о л. Наверно. То есть, возможно. Хотя, я не знаю.

Э х н а т о н. В таком случае, ты свободен, посол. Прием закончен.

П о с о л. И... что же мне передать моему царю?

Э х н а т о н. Передай ему мою благодарность за его подарки.

П о с о л. А каков будет твой ответ по поводу сирийских земель?

Э х н а т о н. Скажи ему, что я тебя выслушал.

Посол, поклонившись, уходит.

Э х н а т о н. Так. Ну что ж, первый министр высказал свои опасения. Теперь твоя очередь, главнокомандующий. У нас еще есть какие-то проблемы?

Х о р е м х е б. О них тебе уже рассказал посол. Я мог бы еще кое-что добавить. Но наедине.

Э х н а т о н. Оставь нас, дядя.

Э й е (*отправившись на выход, останавливается*). Да, великий Дом, чуть было не забыл. Царица Нефертити очень хочет поговорить с тобой.

Э х н а т о н. Нефертити давно не царица, а всего лишь одна из моих жен. Твоя память, дядя, стала подводить тебя слишком часто. Что ей от меня надо?

Э й е. Не знаю. Но она очень плохо выглядит. Совсем извелась от любви к тебе.

Э х н а т о н. Да? А откуда ты знаешь, что именно любовь стала причиной ее недуга?

Э й е. Она сама мне об этом сказала.

Э х н а т о н. С каких это пор ты стал верить женщинам на слово?

Э й е. Ну...

Э х н а т о н. Хорошо, я ее выслушаю.

Э й е. Я сейчас пойду и сообщу Нефертити эту радостную новость. (*Уходит.*)

Э х н а т о н. Ну что, Хоремхеб, устал?

Х о р е м х е б. Устал, государь. Но не от тягот пути.

Э х н а т о н. А от чего же?

Х о р е м х е б. Самое страшное для идущего – сбиться с курса. Самое губительное для армии - не знать, кто ее противник. Безделье развращает солдата, а неопределенность заставляет его искать врага там, где это ближе и проще. Ты прекратил покорение новых земель, перестал подавлять смуту на окраинах и даже не хочешь готовиться к защите своих исконных владений. Конечно, мой долг тебе повиноваться. Тем более что многое недоступно для моего понимания. Но последствия одной вещи мне известны, как ни кому хорошо, и я обязан тебя предупредить. Армия начала роптать. А для любого правителя нет сигнала тревожнее, чем этот.

Э х н а т о н. Так что же тогда мой главнокомандующий не наведет в ней порядок? Тем более, если сам он застоялся без дела. Не ты ли говорил мне когда-то, что нет зрелища более пьянящего, чем усмиренная тобой толпа?

Х о р е м х е б. Усмирить толпу способен лишь тот, кто уверен в собственной правоте. А я сам оказался на распутье. Все эти годы я слепо и безоглядно шел за тобой, государь, потому что верил тебе. Но прости, и я начал сомневаться, ту ли мы выбрали дорогу.

Э х н а т о н. Почему?

Х о р е м х е б. Потому, что я не знаю, куда мы по ней идем.

Э х н а т о н. Вперед и только вперед.

Х о р е м х е б. Такое направление существует лишь в одном случае. Когда есть исходный пункт и конечная цель.

Э х н а т о н. Ты прав, Хоремхеб, но лишь наполовину. Да, движение всегда начинается с исходной точки. Но конечная цель - не более чем мираж. Необходимость ее - гнусная ложь одних. И самое глубокое заблуждение других.

Х о р е м х е б. Но почему?

Э х н а т о н. Почему, спрашиваешь? А что считаешь целью ты? Могущество? Но достигнув его, ты будешь жить в постоянном страхе утраты. Богатство? Оно порождает пресыщенность и лень. Да зависть ближних. Так какая цель нужна тебе, Хоремхеб?

Х о р е м х е б. Порядок.

Э х н а т о н. Самый образцовый порядок в тюрьме. Или казарме. Неужели человечество так ничтожно, чтобы подобная участь могла стать пределом его мечтаний?

Х о р е м х е б. Человечество состоит из людей, великий Дом. Не применяй к ним мерки богов. Или великанов. Ты много видел таких? В большинстве своем они ...

Э х н а т о н. Какие?

Х о р е м х е б. Лодыри. Себялюбцы. Трусы. К труду их может приучить только голод. Или кнут. Заставить думать о других - боязнь за свои интересы. А храбрыми делает лишь отчаяние. Или чувство собственного превосходства. Да что ты, сам не видишь, что ли.

Э х н а т о н. Значит, мы должны изменить людей.

Х о р е м х е б. Как ни старайся, змею не научишь летать. А грифа - плавать.

Э х н а т о н. Каков же выход?

Х о р е м х е б. Может быть ... нам стоит попробовать вернуться?

Э х н а т о н. Вернуться? Куда?

Х о р е м х е б. В исходную точку. В пустыне всегда тяжело определить верное направление. Каждый может ошибиться. Попробуем сориентироваться получше.

Э х н а т о н. Ты ничего не понял, Хоремхеб. Ничего не понял.

Х о р е м х е б. Попробуй объяснить мне еще раз, государь.

Э х н а т о н. Зачем? Идеи от объяснений линяют сильнее, чем ткань от стирки. Одно я тебе скажу. Вступив на эту дорогу, я отрезал себе все пути к отходу. Повернуть назад - хуже, чем смерть. Много хуже, чем неудача. *(Пауза.)* Да, ты прав, мой старый верный друг. Разве может быть что-то безумнее попыток изменить мир. Но стоит ли вообще жить, если хотя бы раз не отважиться на это? *(Пауза.)* А теперь оставь меня, и вели слуге принести вина.

Хоремхеб уходит. Входит слуга с кувшином и кубком на подносе. Налив вина в кубок, замирает в почтительной позе.

Э х н а т о н. Ступай. *(Слуга склоняется еще ниже.)* В чем дело?

С л у г а *(падает ниц)*. О, всемогущий владыка! Прости своему жалкому рабу его дерзость и позволь обратиться к тебе с нижайшей просьбой.

Э х н а т о н. Говори.

С л у г а *(торопливо)*. Великий царь! Меня зовут Рувим и принадлежу я к племени иудейскому. Уже больше двух столетий мы живем в Египте на положении рабов. Все это время мы верой и правдой служили твоим венценосным предкам, не помышляя о ...

Э х н а т о н *(перебивает его)*. Короче.

С л у г а. Наши старейшины поручили мне пасть к твоим ногам и молить тебя от имени всех сыновей и дочерей израилевых смилостивиться над ними. И позволить нам мирно отбыть в землю Ханаанскую, завещанную нам нашим богом.

Э х н а т о н. А что это вы вдруг? Опомнились. Целых два века ждали.

С л у г а. За всю историю Египта у него еще не было столь милосердного и справедливого правителя.

Э х н а т о н. Встань, Рувим, и оставь меня одного.

С л у г а (*поднявшись, нерешительно*). Великий дом не снизойдет удостоить иудейских патриархов никаким ответом?

Э х н а т о н. Я лучше удостою их вопросом. Спроси у своих старцев, раб, зачем свобода нужна тому, кто выклянчивает ее, как жалкую подачку. Чтобы потом трусливо бросить к ногам нового господина?

С л у г а (*осторожно*). Значит, наш мудрый владыка предоставляет нам право на бунт?

Э х н а т о н. Бедняги. Вы уже забыли о том, что каждый народ с измальства наделен этим правом. Поэтому молитесь лучше не меня, а своего бога, чтобы он поскорее послал вам того, кто заставит вас вновь об этом вспомнить. Ступай и не попадайся мне больше на глаза!

Слуга уходит. Эхнатон не спеша пьет вино. Появляется Нефертити и нерешительно останавливается на входе.

Н е ф е р т и т и. Мой господин позволит мне нарушить его покой?

Э х н а т о н. Ты это однажды уже сделала, Нефертити. Помнишь? Двадцать лет назад. Вторая попытка редко бывает успешной. Хотя, кто знает. Попробуй. А вдруг.

Н е ф е р т и т и. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Э х н а т о н. В том-то всё и дело. Ну что ты встала, как неродная? Проходи, не стесняйся. А Эйе был прав, ты и вправду неважно выглядишь. Осунулась. Заплаканные глаза. И всё натурально. Хотя и с перебором. Зря ты пришла ко мне в таком виде. Он может вызвать только жалость. А жалость - неважная закваска для любви.

Н е ф е р т и т и. Идя к тебе, я в самую последнюю очередь думала о том, как буду выглядеть.

Э х н а т о н. А о чем в первую?

Н е ф е р т и т и. О том, что ... не могу жить без тебя.

Э х н а т о н. Разве ты лишена этого права? Тебя никто не гонит из моего дворца.

Н е ф е р т и т и. Но меня никто уже и не воспринимает как жену Эхнатона.

Э х н а т о н. Да, проблема. Ну ничего, не переживай. Я издам указ, в котором обяжу всех воспринимать тебя так, как надо. Теперь ты довольна?

Н е ф е р т и т и. Скажи, почему ты относишься к тем, кто тебя любит, как к ничемным вещам?

Э х н а т о н. Наверно потому, что когда-то слишком боготворил тех, кого любил сам.

Н е ф е р т и т и. В самом деле? Мне, почему-то, кажется, что ты вообще никого не способен любить по-настоящему.

Э х н а т о н. Возможно.

Н е ф е р т и т и. Кроме, разумеется, самого себя.

Э х н а т о н. Вот тут ты ошибаешься. Самого себя я люблю еще меньше.

Н е ф е р т и т и. Да? Что-то не верится. Глядя на то ... (*заминается*)

Э х н а т о н. На что?

Н е ф е р т и т и. Куда тебя завела твоя извращенная похоть. Нет, ну ладно бы там. Поразвлекался с мальчонкой, потешил плоть. Это еще можно понять.

Э х н а т о н. Можно?

Н е ф е р т и т и. А что ж. С пресыщенности на что только не потянет. Но объявить его своей царственной супругой. Это уже вообще. Ни в какие рамки.

Э х н а т о н. Так в том-то всё и дело, Нефертити. Рамок больше нет. Я их отменил. Нет рамок. Радуйся.

Н е ф е р т и т и. Радоваться? Чему?

Э х н а т о н. Тому, что ты живешь уже совсем в другом мире. Где больше нет причин для ревности. Зависти. Себялюбия. Всё осталось в прошлом. Забудь. Ты можешь пойти сейчас к моей новой царственной супруге. Поздравить ее с этим званием. И вместе порадоваться. Или повздыхать. О тяжести выпавшей ей доли. Обнять ее. Ободрить. Утешить. Забыв о том, что это не женщина, а мужчина. Что он моложе тебя. Выше ростом. Что между вами еще куча всяких различий. Которые отныне ничего не значат. Потому что вы с ним теперь равны в самом главном.

Н е ф е р т и т и. В чем?

Э х н а т о н. В праве любить. Без всякой оглядки. И рассчитывать на взаимность. Единственная помеха которой лежит лишь в тебе самой.

Н е ф е р т и т и (*после паузы, сухо*). Всё ясно. Ты говоришь так, потому что я надоела тебе. Ты просто нашел себе новую прихоть. Вот и всё.

Э х н а т о н. Ты опять ничего не поняла. И мне надоело давать тебе подсказки. (*Направляется на выход.*)

Н е ф е р т и т и. Ну конечно, чего с меня взять, с дуры!

Э х н а т о н. Мои слова адресованы не уму, а сердцу. (*Уходит.*)

Нефертити оседает на пол и начинает рыдать, закрыв лицо руками. Через паузу осторожно входит Эйе.

Э й е (*подходит к Нефертити и садится рядом*). Что такое? Что случилось? Кто посмел обидеть нашу лучезарную, нашу сладчайшую ... (*Нефертити прижимается к Эйе.*) Ну, ну, моя девочка, успокойся. Не хватало еще такую красоту извести слезами. Да на свете нет ничего, что стоило бы подобной жертвы.

Н е ф е р т и т и. Скажи мне, о мудрый Эйе, ты ведь в своей жизни повидал много разных женщин.

Э й е. Ну, в общем-то ...

Н е ф е р т и т и. Так скажи мне, как отец мой ... (*Заминается.*)

Э й е. Что, девочка?

Н е ф е р т и т и. Я на самом деле так красива, как об этом твердят все вокруг?

Э й е. Я понимаю тебя, Нефертити. Действительно, люди часто лгут. Особенно тем, от кого они зависят. Но и отцов тоже не стоит спрашивать о подобных вещах. Они всегда слепы, когда речь идет об их детях. И все же я знаю того, кто никогда не посмеет тебе солгать.

Н е ф е р т и т и. И кто же это?

Э й е. Зеркало. (*Поднимает поднос и протягивает его Нефертити.*) Взгляни, и даже в этом тусклом отражении ты увидишь, что нигде в мире: ни в Нубии и ни в Куше, ни в Эламе и ни в Аккаде не найти женщины, которая превзошла бы тебя красотой своего лица и тела.

Н е ф е р т и т и (*удивленно*). Тела?

Э й е. Даже складки одежды не могут скрыть всю прелесть и изящество твоей фигуры.

Н е ф е р т и т и (*встает и отшвыривает поднос*). Так почему же тогда именно я, самая красивая женщина в мире, должна страдать от неразделенной любви? За какие грехи я навлекла на себя немилость богов? Почему они от меня отвернулись?

Э й е. Боги ... настоящие боги отвернулись от всех от нас. И правильно сделали. Мы сполна заслужили их кару. Хотя каждого из нас они предпочли наказать по-своему. Например, твоего мужа они обрекли на безумие.

Н е ф е р т и т и. Ты тоже стал замечать, что ...

Э й е. Этого сейчас не замечает, пожалуй, только он сам.

Н е ф е р т и т и. Так вот, оказывается, почему ... Теперь все понятно.

Э й е. Ну конечно. Разве нормальный человек способен на такие дела и речи?

Н е ф е р т и т и. Но это же ужасно. Ведь от него теперь можно ждать всего, что угодно.

Эйе. Еще ужасней участь глупцов, что покорно плетутся за безумцем-поводырем. Но, сдается мне, это только начало. Настоящие беды еще впереди.

Нефертити. Ты думаешь?

Эйе. Ты сама знаешь, как трудно соорудить плотину даже на такой спокойной реке, как наш Нил. Но если вода пробьет возведенную преграду хотя бы в одном месте, остановить ее уже не удастся. Та запруда, которую пытался построить твой муж и мой племянник, оказалась совсем негодной и прорвалась уже в нескольких местах.

Нефертити. Значит нас всех ждет гибель?

Эйе. Ждет. Если мы не восстановим нашу старую плотину. Испытанную временем и непогодой.

Нефертити. Но как же мы это можем сделать?

Эйе. Все возможно. При желании. Самое главное - как бы нам самим не стать материалом для постройки.

Нефертити. Что ты имеешь в виду?

Эйе. То, что не у одних нас может возникнуть желание руководить строительством.

Нефертити. Я не понимаю.

Эйе. Это не страшно. Главное, чтобы хотя бы один из нас понимал всё как надо.

Нефертити. Один из нас? Ты говоришь так, словно мы какие-то заговорщики.

Эйе. Видишь ли, моя девочка. Ты еще не осознаешь. Но мы сейчас стоим на пороге большой драки.

Нефертити. Драки? Но за что?

Эйе. За власть. А значит и за жизнь. Для людей в нашем положении это почти всегда одно и то же. И в такой драке в одиночку выстоять невозможно.

Нефертити. Я боюсь, что от меня в этом деле будет мало прока.

Эйе. Поэтому я и предлагаю тебе свою руку.

Нефертити. Что ты хочешь этим сказать?

Эйе. Пусть об этом скажут боги. Я думаю, настало время спросить у них совета.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Покои верховного фиванского жреца. Эйе и верховный жрец.

Эйе. Ну так что скажешь, великий жрец?

Верховный жрец. Ты прирожденный царедворец, Эйе. Два часа я слушал тебя, но так и не понял, чего ты хочешь.

Эйе. Как чего я хочу? Вернуть все на свои места.

Верховный жрец. Похвальные стремления. Дерзай. Преуспеешь, боги вознаградят тебя по достоинству. Ко мне-то ты зачем пришел?

Эйе. Мне нужна твоя помощь. Помощь и поддержка.

Верховный жрец. Чем же могу помочь тебе я, немощный старик? Которого вы к тому же обобрали дочиста. Солдат у меня нет. И не было. Оружием я не владею.

Эйе. Ваше оружие - авторитет.

Верховный жрец. Авторитет? А какой от него сейчас может быть прок?

Эйе. Огромный прок, великий жрец. Я знаю, мне доносят, крестьяне, несмотря на запрет, до сих пор молятся нашим прежним богам. А это значит, они ждут их возвращения.

Верховный жрец. Но это вовсе не значит, что ради их возвращения они захотят пошевелить хотя бы мизинцем.

Эйе. И хорошо. И не надо. Пусть горбчатся у себя на полях. Все другие шевеления в народе к добру не приводят. Нам от него нужно только сочувствие.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А кто же будет возвращать всё на места?

Э й е. Есть такие люди. Настоящие патриоты. Хотя и вынуждены до поры скрывать свои убеждения. Они все занимают высокие посты. И в провинции, и в столице. Я всегда старался ставить на ключевые места надежных людей. Несмотря на все противодействия.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Это касается и армии?

Э й е. С армией посложней. Но в ней тоже много недовольных. И фараоном, и его мирной политикой. Мы же это недовольство подогреваем. Урезая снабжение.

В е р х о в н ы й ж р е ц. У армии есть главнокомандующий.

Э й е (*вздыхает*). Есть. И это, к сожалению, проблема.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Почему? Хоремхеб так предан своему хозяину?

Э й е. Хуже. Я боюсь, он сам начал что-то против него замышлять.

В е р х о в н ы й ж р е ц. С чего ты взял?

Э й е. Суди сам, великий жрец. Все последнее время между ними постоянно вспыхивали споры. Чуть ли не ссоры. А тут вдруг Хоремхеб стих. И даже начал поддакивать.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Действительно, признак нехороший. А тебе не приходила в голову мысль, что Хоремхеб может стремиться к тому же, что и ты?

Э й е. Кто, Хоремхеб? Этот безбожник? Да у него нет ничего святого. Ему нужна только власть. (*Пауза.*) Но даже если ты прав. Подумай, великий жрец, как неотесанный и грубый вояка может управлять сложнейшим государственным механизмом? Тем более, когда ключи от царской сокровищницы находятся в других руках.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Это веский довод. Если забыть о том, что сокровищница эта пуста. И что ключам не менее часто приходится менять своих владельцев, чем владельцам ключи. (*Пауза.*) Ну и как же ты намерен решать свою проблему?

Э й е. Да способы-то ... стары как мир. Это только средства совершенствуются.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А конкретнее?

Э й е. Мои люди уже нашли пару офицеров из ближайшего окружения Хоремхеба. И стимул есть. Определенная сумма, плюс перспективы роста.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А что на это скажет великий Амон? Под чье покровительство ты вознамерился вернуться. Его мнение тебя не интересует?

Э й е. Ну как же. Ради этого я и пришел. И что же Амон посоветует мне насчет ... ?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Откуда я знаю. Я его об этом еще не спрашивал.

Э й е. И ... о судьбе Эхнатона тоже?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Конечно. Зачем? Судьба Эхнатона известна давно. Он сам вынес себе приговор. Боги просто всё это время искали исполнителя.

Э й е. И ... нашли?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нашли.

Э й е. Кто же это, если не секрет?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да ты сам сейчас и ответишь на свой вопрос. Скажи-ка мне, Эйе, из чьих рук стрела возмездия способна поразить человека больше всего?

Э й е. Ну ... наверно, из рук того, кто связан с ним наиболее тесными узами.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А всего надежней?

Э й е. Из рук того, кто по вине этого человека лишился самого дорогого в жизни.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Вот ты и узнал, на кого пал жребий богов. Как думаешь, их избраннык будет достоин оказанной ему чести?

Э й е. Он постарается. Было бы неплохо, если бы боги сообщили еще и срок.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Я слышал, через десять дней у вас большой праздник?

Э й е. Да, исполняется ровно пятнадцать лет с того дня, как началось все это безумие.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Удачный момент, чтобы положить ему конец. (*Достает из шкатулки флакон.*) Вот, возьми. Это средство в совершенствовании не нуждается.

Э й е. Благодарю тебя, великий жрец. У меня есть свое, не хуже.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Остатки того яда, которым покончила с собой твоя сестра?

Э й е. Боги сообщили тебе и это?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Сообщили. Устами бальзамировщиков, извлечших внутренности из тела усопшей царицы. (*Пауза.*) Ты еще о чем-то хочешь меня спросить?

Э й е. Да. Интересно знать, что ... боги думают по поводу преемника Эхнатона.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ничего. Зачем? Когда есть установленный ими самими издревле порядок. Трон фараона наследует сын Эхнатона. Тутанхамон. То есть, понынешнему, Тутанхатон. (*Пауза.*) Тебя что-то не устраивает?

Э и е. Да как сказать. Тутанхатон не является сыном фараона от его законной царственной супруги Нефертити. Значит, его права на трон сомнительны. К тому же он еще несмышленный мальчишка. И в-третьих, что хуже всего, его душа насквозь пропитана ересью. Ему с детства вдалбливали, что, кроме Атона, никаких других богов не существует.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что же ты предлагаешь?

Э й е. Не было бы разумней сделать так, чтобы исключить малейшую возможность возврата к порядкам, установленным отступником?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Каким образом?

Э й е. Очень просто. Основав новую династию.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И кто же, по-твоему, может стать ее основателем?

Э й е. Ну ... ради святого дела - восстановления поруганной веры ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты готов взвалить эту ношу на свои могучие плечи.

Э й е. Нет, ну а кому еще? Реально. Посуди сам. Все поступления в казну под моим контролем. Нити управления. Я опытен, искушен в политике.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Основать династию - значит дать ей продолжение.

Э й е. О, великий жрец, уж в этом-то будь спокоен. Скажешь, возраст? Ерунда. У меня есть одно снадобье – мертвого взбодрит. Ты не поверишь, прошлой ночью я, с двумя рабыньками, три часа без прорыва ... Впрочем, тебе это, наверно, неинтересно.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну почему. Просто в данный момент мне чуть интересней другое. Как ты намерен сделать переход власти к новой династии естественным и законным?

Э й е. Это я тоже продумал. После внезапной кончины Эхнатона я женюсь на Нефертити и, таким образом, стану регентом малолетнего наследника. Ну а потом ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что потом?

Э й е. Всё в воле неба. Доверимся его мудрости и будем ждать указаний свыше.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А почему ты так уверен, будущий великий регент, что Нефертити захочет стать твоей женой?

Э й е. Главное, чтобы этого захотели боги.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А если они этого не захотят?

Э й е. Великий жрец, давай начистоту. Ты и я, мы сейчас как никогда нужны друг другу. И значит, должны действовать заодно. Я думаю, ты обязан оценить то, что я, по-прежнему самый влиятельный египетский сановник, сам пришел к тебе, прозябающему в нищете и опале старцу. И первый протянул руку примирения и дружбы. У нас сейчас одна цель - восстановить поруганную веру, и ради этой цели ...

В е р х о в н ы й ж р е ц (*перебивает его*). У нас с тобой, Эйе, не было, нет и быть не может никакой общей цели. Тебе нужно только одно. Любой ценой сохранить свое благополучие. Если бы над ним сейчас не нависла угроза, так бы тебя здесь и видели. Ты и к трону-то рвешься именно поэтому, а не ради самой власти, как другие. Потому что

понимаешь: опередивший тебя соперник непременно лишит тебя и благополучия, и самой жизни. Слушай меня и не перебивай! Ты говоришь, мы сейчас как никогда нужны друг другу? Запомни, самый влиятельный египетский сановник. В мире нет такого человека, без которого я в своей жизни не мог бы обойтись хотя бы одно жалкое мгновение. Это я нужен тебе. Нужен как хлеб. Как вода. Как воздух. Когда начинается землетрясение, крысы всегда бегут из ветхого дома в более надежное убежище. И лучше всего устраивается та из них, что оказалась смысленней и расторопнее остальных. Наша вера - это надежный и прочный дом. Он более трех тысячелетий давал приют народу этой страны. До тех пор, пока одному глупцу вдруг не понравилось то, что внутри этого дома воздух стал немного спертым. Но земля задрожала и построенная им наспех лачуга стала рассыпаться во прах. Вы, крысы, почуяли это и тут же побежали искать спасение в брошенном вами некогда жилище.

Эйе (*обиженно*). Ну зачем ты так говоришь, великий жрец.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Затем, чтобы вы не слишком задавались вашими мнимыми смелостью и умом. А твердо знали то место, которое вам в своем незыблемом порядке отвели всемогущие боги. И очень хорошо поняли, какую милость они оказали вам, жалким отступникам, тем уже только, что позволили переступить порог этого священного храма.

Эйе. Я это понял, великий жрец.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Сомневаюсь. Иначе не стал бы обращаться ко мне со своими дурацкими просьбами. А то ишь, молодец! Вознамерился уложить царицу в свою постель и хочет, чтобы я убедил ее в том, что так угодно небу. Нет уж, дружок. Попробуй доказать на что, хотя бы в этом, способен ты сам. Знай, боги помогают лишь тем, кто этого достоин. Своим упорством и волей. Поэтому возьми этот флакон. Это не для тебя, а для Нефертити.

Эйе. Я ... не совсем понимаю.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты можешь быть уверен, что завоевал ее сердце лишь тогда, когда она сама попросит у тебя этот яд, чтобы употребить его по нужному тебе назначению.

Входит Усеркаф и устремляет на верховного жреца многозначительный взгляд.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Можешь сказать об этом вслух, Усеркаф.

У с е р к а ф. К храму движется кавалькада. Над ней штандарт главнокомандующего.

Эйе (*роняет флакон*). Что?! Хоремхеб здесь? Не может быть! (*Усеркафу*.) Ты не ошибся? Это действительно его штандарт? (*Усеркаф кивает*.) Ну всё, нам конец. Он не пощадит никого. (*Стонет*.) Он выследил меня. Зачем я сюда приехал? Зачем? (*Бросается к верховному жрецу*.) Как же быть, великий жрец? Здесь можно где-нибудь спрятаться?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Спрятаться? Зачем? Если Хоремхеб тебя выследил, участь твоя предрешена в любом случае. Разве что ты намерен прятаться у нас до конца своих дней.

Эйе. Нет, до конца дней, это уже всё-таки как-то ... Но что-то же нам нужно делать.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Прежде всего нам нужно помнить о том, что ни при каких обстоятельствах человек не должен терять свое достоинство.

Эйе. Да, ты прав. Конечно, достоинство прежде всего. (*Начинает расхаживать по сцене, стараясь взять себя в руки*.) Достоинство прежде всего. (*Не выдержав, вновь устремляется к верховному жрецу*.) Великий жрец, но неужели ничего нельзя придумать?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты хорошо усвоил, то, о чем мы здесь с тобой говорили?

Эйе. Очень хорошо, великий жрец. Очень хорошо усвоил.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Так чем мы можем заслужить благосклонность богов?

Эйе. Своим упорством. И волей.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Но прежде всего ...?

Эйе. Послушанием.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Подними флакон. И иди в ту сторону. Тебя проводят по подземному ходу к северным воротам. Твоя колесница уже там. Возвращайся домой и помни, что у тебя в запасе осталось только десять дней. Об остальном договорим после.

Э й е. Хорошо, великий жрец. Благодарю тебя. Я сделаю всё, как надо.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Только будь осторожен. Я боюсь, после нашего разговора Эхнатон начнет тебя подозревать.

Э й е. Почему?

В е р х о в н ы й ж р е ц (*Усеркафу*). Почему?

У с е р к а ф (*Эйе*). У тебя лицо заговорщика.

Э й е. Правда? Это нехорошо. Что же делать? Может быть, притвориться больным?

В е р х о в н ы й ж р е ц. И только усилить подозрения? Когда наступают трудные времена, внезапная болезнь влиятельной персоны всегда дурной знак.

Э й е. Как же быть? (*Смотрит на верховного жреца, потом на Усеркафа.*)

У с е р к а ф. Начни обхаживать жену какого-нибудь придворного.

Э й е. Зачем?

У с е р к а ф. Отводить от себя подозрение надо не прикидываясь невинным, а сознаваясь в другом проступке.

В е р х о в н ы й ж р е ц (*Эйе*). Иди!

Эйе торопливо уходит за кулисы. Через некоторое время с другой стороны входит Хоремхеб.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну здравствуй, Хоремхеб. А я, признаться, тебя слегка заждался.

Х о р е м х е б. Тебя это расстроило?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Нисколько. Если меня и могло бы что-то расстроить, то только твоя чрезмерная поспешность. Ну что же ты стоишь? Проходи, садись. Рассказывай.

Х о р е м х е б (*садится на топчан*). Я хотел бы поговорить с тобой наедине.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты пришел говорить с верховным фиванским жрецом. А жрец настоящий и жрец будущий - одно и то же лицо. Я слушаю тебя, Хоремхеб.

Х о р е м х е б (*после паузы*). Я принял решение, великий жрец.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Вижу, Хоремхеб, вижу. И рад, что в тебе не ошибся. Ну что ж, давай перейдем сразу к делу. Ты нашел себе преемника?

Х о р е м х е б. И да, и нет.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Как тебя понимать?

Х о р е м х е б. У меня есть три офицера. Они в равной степени доказали мне свое умение и преданность. Но у всех троих разный характер, и я пока не решил, кого из них ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты хочешь, чтобы выбор сделал за тебя я?

Х о р е м х е б. Мне нужен твой совет, потому что я не хочу ошибиться.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ты привел с собой этих офицеров?

Х о р е м х е б. Да, они ждут снаружи.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну хорошо. (*Смотрит на Усеркафа, и тот, отдав поклон, уходит.*) Значит, ты говоришь, что уверен в преданности своих помощников?

Х о р е м х е б. Они мне пока не дали повода в ней усомниться.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Никогда не доверяй людям, от которых ты зависишь. Но еще меньше тем, кто зависит от тебя. Самый первый враг любого правителя - его собственное окружение. Бездари могут погубить все твои начинания. Умник - пойти по твоему пути. Если его чем-то не устроит его покровитель. И друг. Ну, ну, не морщись. Я это не в упрек. Расскажи-ка мне пока лучше, как он живет-поживает.

Х о р е м х е б. Да никак. Эхнатон очень изменился за последнее время. Стал тих и замкнут. Забросил все дела и постоянно погружен в раздумья.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Значит, плод созрел. Только в тишине, внимательно заглянув себе в душу, человек может понять, что же он из себя представляет на самом деле. И в тот момент, когда он узнает свою истинную цену, умирает его тщеславие. Иногда, правда, эта цена оказывается столь мала, что человек предпочитает отправиться вслед за тщеславием. Но нам не следует на это слишком уповать. Кстати, я слышал, что Эхнатон завел себе любовника и объявил его своей царственной супругой?

Х о р е м х е б. Завел. И объявил.

В е р х о в н ы й ж р е ц. То есть, решил пойти войной уже и на здравый смысл. Что ж, во всяком случае, ему не откажешь в последовательности. Ну а что Нефертити?

Х о р е м х е б. Нефертити по-прежнему живет в царском дворце, на своей половине. Но Эхнатон старается избегать встреч с ней, потому что все они, как правило, заканчиваются скандалом. Между ними давно уже нет ни былой любви, ни бывшего согласия.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Значит, плод созрел дважды. Человек, который не может поладить со своей женой и продолжает жить с ней рядом, окончательно лишился рассудка.

Входит Усеркаф.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну, великий жрец, расскажи нам, какому испытанию ты подверг славных египетских воинов. (*Хоремхебу.*) А ты подсказывай. Кто есть кто.

У с е р к а ф. Я завел их в часовню Исиды и предложил отведать пива, сваренного самой богиней. Правда, в кубки их, по ошибке, я налил кунжутного масла.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И?

У с е р к а ф. Первый офицер, морщась, осушил весь кубок и сказал, что никогда в жизни не пробовал ничего вкуснее.

Х о р е м х е б (*поймав вопросительный взгляд великого жреца*). Это скорее всего Семхет. Он, как никто другой, исполнителен и почтителен к начальству.

В е р х о в н ы й ж р е ц (*Усеркафу*). Дальше!

У с е р к а ф. Второй в гневе вылил на пол содержимое кубка, пообещав при этом выпустить дух из любого, кто еще раз осмелится над ним подшутить.

Х о р е м х е б. А это уже Яхмес. Человек, который вообще не знает, что такое страх и всегда говорит в лицо то, что он думает.

В е р х о в н ы й ж р е ц (*Усеркафу*). Ну и, наконец, третий?

У с е р к а ф. Третий сделал маленький глоток и переспросил меня, что я ему предложил: пива, сваренного из ячменя, или выжатого из кунжута масла. Когда я подтвердил, что это пиво, офицер поблагодарил меня, сказав, что за время, проведенное в походах, он начисто успел забыть вкус родного напитка. Но к кубку больше не притронулся.

Х о р е м х е б. Рахотеп. Осторожен и хитер, как пустынный аспид. (*Поочередно смотрит на жрецов.*) И ... что?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Слово за тобой, будущий правитель. Мы испытали твоих офицеров. Принимай решение.

Х о р е м х е б. Хе! Ну и что мне дало это ваше испытание? Будто бы я до него не знал достоинств своих подчиненных.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Достоинств, говоришь? А ты выверни их наизнанку. И что увидишь? В первом из испытуемых.

Х о р е м х е б. Ну ... наверное то, что он слишком льстив и угодлив.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А что тогда можешь сказать про второго?

Х о р е м х е б. Что он груб и не умеет владеть собой.

Верховный жрец. Ну и, наконец, про третьего?
Хоремхеб. Сам себе на уме. И тоже ... соврет, не дорого возьмет.
Верховный жрец. Вот видишь, как все повернулось. Ну и какой из всех этих недостатков для тебя наименее опасен? Как для правителя.
Хоремхеб. Да, пожалуй, что ...
Верховный жрец. Верно. Вступив на трон, будь готов к тому, что тебя со всех сторон окружают лестью и ложью. Этого не избежать. Но как только ты услышишь их из уст своего главнокомандующего – тебе конец. Почему, объяснять надо?
Хоремхеб. Да нет.
Верховный жрец. Только перед назначением не забудь предупредить своего избранника об опасности.
Хоремхеб. Какой опасности?
Усеркаф (*поймав приглашающий взгляд верховного жреца*). Которая будет грозить и ему, и самому тебе со стороны тех, кто тоже рассчитывал занять этот пост, но просчитался.
Хоремхеб. И что же он должен с ними ...?
Усеркаф. На твоё усмотрение. Можно, конечно, отправить куда-нибудь на передовую. В горячую точку. Но, ты сам понимаешь, вариант не стопроцентный.
Верховный жрец. Теперь поговорим о главном. (*Пауза.*) О судьбе Эхнатона.
Хоремхеб. Но ... это вроде бы понятно, что он будет отстранен.
Верховный жрец. Я имею в виду его дальнейшую судьбу.
Хоремхеб. Разве это так важно?
Верховный жрец. А как же. Еще как важно.
Хоремхеб (*после паузы, хмуро*). А что по этому поводу думают боги?
Верховный жрец. Они предпочитают сначала услышать твои соображения.
Хоремхеб. Я не знаю.
Верховный жрец. Да всё ты знаешь, Хоремхеб. Разве тебе не известно, чем можно удержать естественное стремление человека вернуть себе то, что у него отобрали?
Хоремхеб. Примерно.
Верховный жрец. Чем же?
Хоремхеб. Страхом. Неволей. (*Пауза.*) Смертью.
Верховный жрец. Итак, у нас три средства. А надо выбрать только одно. Пусть разум поможет тебе сразу отбросить самое негодное. Это будет ...?
Хоремхеб. Страх.
Верховный жрец. Обоснуй.
Хоремхеб. Вряд ли можно запугать человека, дерзнувшего бросить вызов небу.
Верховный жрец. Теперь сердце подскажет тебе нужное из двух оставшихся.
Хоремхеб. Почему сердце?
Верховный жрец. Я знаю о вашей дружбе с Эхнатоном. Друг не должен быть жестоким. Он понимает, что для человека, так любящего свободу, нет горше участи, чем с ней навсегда расстаться. (*Пауза.*) Что такое? Мои слова тебя чем-то огорчили?
Хоремхеб. Ты предлагаешь мне начать мое правление с крови. Этим вряд ли завоеешь симпатии народа.
Усеркаф (*снова поймав взгляд жреца*). В твоём доме много слуг, Хоремхеб?
Хоремхеб. Слуг? Да ... не особенно. Я не слишком прихотлив. А что?
Усеркаф. Ты не мог бы прислать нам пару толковых и работающих? Наши все разбежались.
Хоремхеб. Вряд ли.
Усеркаф. Почему?

Х о р е м х е б. Да они все, по большому счету, бездельники и плуты.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что же ты придаешь такое значение общему мнению о тебе людей, которых ты презираешь поодиночке?

Х о р е м х е б. Всё равно. Я должен подумать.

В е р х о в н ы й ж р е ц. О чем? Ты же принял решение. *(Достает из шкатулки флакон.)* Держи. Это яд черной кобры. Он действует безболезненно и мгновенно.

Х о р е м х е б. Яд - негодное оружие для солдата.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тебе недолго придется им оставаться. Возможно.

Х о р е м х е б *(после паузы)*. Возможно? Ты сказал: «Возможно»? Как тебя понимать, великий жрец? Не сам ли ты все это время прочил меня ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Не прочил. А подводил. К готовности взять на себя великую ношу. Но боги мне пока еще не открыли, кого они хотят видеть новым владыкой Египта.

Х о р е м х е б. Ты что же, старик, решил надо мной поиздеваться? Думаешь, если я сижу сейчас в этой норе и терпеливо слушаю твои поучения, то мной можно играть, как глиняной статуэткой? Да я сейчас ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Тише, воин. Возьми себя в руки. Мы все: и ты, и я – игрушки в руках судьбы. Мне просто позволено лишь чуть лучше других предугадывать ее капризы. Знай, пока я не буду уверен в том, что именно твой приход к власти станет меньшим злом и для страны, и для самого тебя, ты от меня благословения не услышишь. Конечно, ты не дитя и вправе действовать по собственному разумению. Но тогда уже забудь сюда дорогу и пеняй только на себя.

Х о р е м х е б. Хм. Ну ... и когда же боги соизволят сообщить тебе свою волю?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Скоро у вас будет большой праздник. Который омрачится еще бóльшим горем. В этот день Осирис, владыка царства мертвых, призовет отступника на свой суд. А воутро великий Амон-Ра объявит всем своим детям, прибывшим в этот храм, чтобы выразить ему свое почтение, любовь и верность, имя нового египетского владыки.

Х о р е м х е б. И у него что же, большой выбор?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Запомни, Хоремхеб. Тебе никогда не стать первым, если хотя бы на миг ты уверуешь в то, что нет человека умнее и предусмотрительней тебя. Усвоил?

Х о р е м х е б. Более или менее.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну и ступай с миром. Твои офицеры тебя уже заждались. *(Хоремхеб идет на выход.)* Флакончик-то не забудь!

Хоремхеб, небрежно подхватив флакон, уходит.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну, что скажешь, великий жрец?

У с е р к а ф. Боги слышали наши молитвы и вновь возвращаются, чтобы править этим неразумным миром. Эхнатон обречен.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Эту уверенность в тебя вселил приход Хоремхеба?

У с е р к а ф. Нет, того, кто его опередил. С изменой главнокомандующего еще можно исправить положение. Когда предает казначей, оно уже становится безнадежным.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А если от тебя отказывается любящая женщина, то уже и бессмысленным.

У с е р к а ф. А она от него уже тоже ...?

В е р х о в н ы й ж р е ц. Кому из них интересны мужчины, у которых нет будущего.

У с е р к а ф. Теперь понятно. Почему ты велел мне приготовить несколько флаконов. Ты хочешь связать соучастием всех троих.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Да нет. Это так, подстраховаться. Судьбу человека решают боги. Мы оглашаем их приговор. А приводят его в исполнение они, непосвященные. И мы не

можем допустить, чтобы трусость или жалость одного из них помешали свершиться предначертанному. *(Пауза.)* Ну а теперь, великий жрец, ответь мне на главный вопрос. Кому же, все-таки, небо должно поручить священную миссию возвращения Египта на тропу истины? Подумай прежде, чем дать ответ. Ведь проблема уже не только в Эхнатоне.

У с е р к а ф. Да, его ересь оказалась более живучей, чем мы предполагали.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И что?

У с е р к а ф *(после паузы)*. Я люблю наблюдать за тем, как ловят в Ниле крокодилов. Охотники никогда не вступают в схватку с ним в воде, где он чувствует себя хозяином. Наоборот, они заманивают жертву на сушу. А там уже накидывают на нее сети и забивают дротиками и камнями. Точно так же должны бороться с ересью и мы.

В е р х о в н ы й ж р е ц. То есть?

У с е р к а ф. Лучше всех сумеет выманить крокодила на сушу только самый хитрый и терпеливый охотник. А вот когда зверь будет отрезан от своей стихии, в бой должен вступить самый сильный и смелый.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Враг уже будет обречен. Почему же сам Эйе не сможет довершить начатое им дело?

У с е р к а ф. Он трус.

В е р х о в н ы й ж р е ц. И что?

У с е р к а ф. Трус, неуверенный в себе, может проиграть бой даже в самом выигрышном положении. Трус, уверенный в своих силах, превращается в зверя. Почувствовав вкус крови, он зальет ей всю страну.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А храбрец?

У с е р к а ф. Храбрец сумеет вовремя остановить свой меч. Потому что способен на истинное милосердие. Которое станет той почвой, на которой вновь расцветет древо нашей великой веры.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Ну что ж, значит, так тому и быть.

У с е р к а ф. Только вот ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Что такое?

У с е р к а ф. Мы совсем забыли о мальчике. О Тутанхамоне.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А при чем здесь мальчик?

У с е р к а ф. Ну как. Ведь теперь над его жизнью нависла прямая угроза.

В е р х о в н ы й ж р е ц. В тебе проснулась жалость?

У с е р к а ф. Это не жалость. Расчет. Мы могли бы направить его на нужный нам путь. Оградить его от всего, что связано с прошлым. Приставить опытных наставников. Ведь им можно было бы управлять гораздо проще, чем ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Скажи мне, Усеркаф, легко ли согнуть бронзовый меч?

У с е р к а ф. Кому как. Да нет, не очень.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А распрямить потом обратно?

У с е р к а ф. Все, что удалось согнуть, можно и вернуть в исходное положение.

В е р х о в н ы й ж р е ц. А как ты думаешь, какой меч будет прочней? Тот, который ты согнул и снова выпрямил? Или тот, который только что выковал кузнец?

У с е р к а ф. Но ведь другие мечи Эхнатон тоже согнул. И посильнее.

В е р х о в н ы й ж р е ц. Разве? Меч Хоремхеба, например, сделан не из бронзы, а из стали. И Эхнатон его не согнул, а всего лишь направил в нужную ему сторону. У Эйе же вообще нет меча. Эхнатон сгибал его пустые кожаные ножны.

У с е р к а ф. Значит, будущее мальчика ...

В е р х о в н ы й ж р е ц. Как и будущее всех нас. В руках всемогущих богов. Нам не стоит вмешиваться в их промысел. А тебе отвлекаться от более важных дел.

Усеркаф. Каких?

Верховный жрец. Ты разве забыл, что у нас в запасе осталось лишь десять дней? За это время надо составить перечень убытков. Определить объем восстановительных работ. Подсчитать затраты. Ну и ... продумать меры наказания. Для наших малодушных братьев. Тех, кто скоро побежит с повинной под родные своды.

Усеркаф. Ты хочешь простить их и вновь принять в храмовое братство?

Верховный жрец. У нас скоро будет много работы, Усеркаф. А новых людей надо учить. Но это, как ты уже сам знаешь, не дает гарантий от предательства. Сейчас, великий жрец, ты услышишь самую великую истину. И самую горькую. Боги открыли и еще откроют нам немало тайн. Они нас многому научили и многое нам разрешили. Но одно они нам не позволят никогда. Никогда не найти нам средства для того, чтобы сделать тело человека бессмертным. А его душу совершенной. Закрытой для соблазнов и неподвластной порокам. Слышишь, никогда. Иначе, их *(показывает пальцем вверх)* дальнейшее существование стало бы лишено всякого смысла. Но ... что-то как-то много суеты для одного утра. Пора заняться более стоящими делами.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Дворец фараона Эхнатона в Ахетатоне. Эхнатон и Семнехкара играют в сенет – древнеегипетскую разновидность шахмат. После очередного хода партнера Эхнатон смахивает с доски фигурки и встает.

Семнехкара. Что случилось, великий Дом?

Эхнатон. Все, дружок, игра окончена.

Семнехкара. Почему?

Эхнатон. Терпеть не могу, когда мне поддаются.

Семнехкара. И в мыслях не было.

Эхнатон. Даже так? Непроизвольно? Дело, оказывается, еще хуже.

Семнехкара. Ты сегодня не в духе. Раздражен.

Эхнатон. Разве?

Семнехкара. Ну, скажем так, не весел.

Эхнатон. А должен быть?

Семнехкара. Как-никак праздник.

Эхнатон. Ну да, чем не повод. Для тех, кто не способен радоваться как празднику каждому новому дню своей жизни.

Семнехкара. Большинство людей лишено не способности, а возможности это делать.

Эхнатон. Да ты что? Как интересно. Кто же их этой возможности лишил? Уж не я ли?

Семнехкара. Почему, ты. Жизнь. Обстоятельства.

Эхнатон. Какие обстоятельства?

Семнехкара. Разные.

Эхнатон. Например?

Семнехкара. Например, бедность. Бесправие. Да мало ли. Зависимость.

Эхнатон. А-а. Так вот что тебя гнетет.

Семнехкара. Почему именно меня? Вообще.

Эхнатон. Я понял. То есть, по-твоему, стоит лишь всё это устранить, дать людям богатство, власть, свободу, возможность самим распоряжаться собственной судьбой, и ... всё? Каждый тут же найдет свое счастье?

Семнехкара. Ну ... во всяком случае для этого будет гораздо больше оснований.

Э х н а т о н. А нужны ли они?
С е м н е х к а р а. А нет?
Э х н а т о н. Счастье, Семнехкара, не зависит ни от каких внешних условий.
С е м н е х к а р а. Совсем?
Э х н а т о н. Совсем. *(Пауза.)* Хочешь возразить?
С е м н е х к а р а. Да нет, тебе видней.
Э х н а т о н. Потому что я – фараон?
С е м н е х к а р а. Потому что ты есть ты.
Э х н а т о н. Опять поддавки? Забыл, как я отношусь к лестям?
С е м н е х к а р а. Я сказал то, что думаю. Я не знаю никого, кто лучше тебя разбирался бы ...
Э х н а т о н. В чем?
С е м н е х к а р а. Во всем. В жизни. В людях.
Э х н а т о н. Хочу тебя разочаровать. Я и в себе самом-то, как выяснилось, так толком и ... Что уж тут о других говорить. Тем более, о жизни. Впрочем, кое-что я все-таки усвоил.
С е м н е х к а р а. Например?
Э х н а т о н. Например, то, что лучше всего человек раскрывается в мелочах. И ничто не делает нас столь уязвимыми, как наши привычки.
С е м н е х к а р а. Как это понимать?
Э х н а т о н. Очень просто. *(Наливает в кубок вина.)* Например, зная излюбленные места прогулок человека, на него легко можно устроить засаду. *(Нюхает вино.)* Зная предпочитаемые им напитки, нетрудно влить в них какую-нибудь гадость. Да?
С е м н е х к а р а. Возможно.
Э х н а т о н. Возможно. Вот и ты тоже остаешься для меня загадкой, Семнехкара.
С е м н е х к а р а. В каком смысле?
Э х н а т о н. В таком, что я до сих пор так и не понял, верен ты мне или нет. *(Протягивает Семнехкаре кубок.)* Выпьешь?
С е м н е х к а р а. Если это доставит тебе удовольствие. *(Хочет принять кубок.)*
Э х н а т о н *(отшвыривает кубок в сторону)*. Вижу, верен. Я настолько лучше других мужчин?
С е м н е х к а р а. Мне не с чем сравнивать. У меня никого кроме тебя не было. И не будет.
Э х н а т о н. Почему?
С е м н е х к а р а. Потому что я равнодушен к мужчинам.
Э х н а т о н. Вот это новость. Что ж ты тогда так покорно лег в мою постель? Неужели я смог внушить тебе страх, способный побороть отвращение?
С е м н е х к а р а. Я пошел на это из любви к тебе. Я видел страдания, которые терзали твою душу и хотел помочь тебе избавиться от них.
Э х н а т о н *(после паузы)*. Ну что ж, Семнехкара, я оценил твое прямодушие. И отвечу взаимностью. Я тоже равнодушен к мужчинам.
С е м н е х к а р а. Почему же тогда ты сделал меня своим любовником?
Э х н а т о н. Из ненависти. К самому себе. Я хотел удвоить страдания, терзающие мою душу. Вот видишь, ничего у нас не вышло. Ни тебе, ни мне не удалось достичь желаемого. *(Вполголоса.)* Ну все, а теперь уходи.
С е м н е х к а р а. Прости, я не расслышал, что ты сказал.
Э х н а т о н *(срываясь на крик)*. Пошел вон, я не хочу тебя больше видеть! *(Пауза.)* Что ты застыл как мумия? Я должен повторять сказанное дважды?
С е м н е х к а р а. Хорошо, как скажешь. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Э х н а т о н. Убирайся не только из дворца! Сегодня вечером тебя уже не должно быть в городе. Через три дня в стране.

С е м н е х к а р а. Но почему? За что ты меня гонишь? Я стал тебе так противен?

Э х н а т о н. Угадал, ты мне противен. Ты такой же раб, как и все остальные. Одни делают своим кумиром славу, другие - богатство, третьи - похоть. Ты стал рабом любви и перестал от них отличаться. Вы все готовы покорно ползать на брюхе перед своим господином и с восторгом ждать, когда же он, наконец, вытрет о вас ноги. Вы даже не стоите моего презрения. Вы мне просто неинтересны.

С е м н е х к а р а. Ну раз так, мое присутствие вряд ли сможет тебе чем-то помешать. Просто не обращай на меня внимания. Вот и все.

Э х н а т о н. Ты что же, осмелишься мне перечить?

С е м н е х к а р а. Ты же сам сказал, что я раб любви. А мой господин приказывает мне остаться.

Э х н а т о н (*после паузы*). Послушай, Семнехкара, шутки в сторону. Знай, как только я уйду, вся эта свора в первую очередь накинется именно на тебя.

С е м н е х к а р а. Ты уже собрался уходить?

Во время последней реплики из-за кулис справа осторожно выходит Эйе и громко кашляет, чтобы привлечь к себе внимание.

Э й е. Великодушно прошу простить меня, великий Дом.

Э х н а т о н (*раздраженно*). В чем дело?

Э й е. Ни в чем. Я услышал шум. Громкие голоса. И осмелился войти, чтобы узнать, всё ли с тобой в порядке.

Э х н а т о н. Все ли со мной в порядке? Интересный вопрос. Я боюсь, дядя, мне будет не просто тебе на него ответить. Все зависит от того, что ты считаешь образцом порядка. (*Эйе мычит нечто нечленораздельное.*) Да, что-то неладное с тобой творится последнее время.

Э й е. А что такое?

Э х н а т о н. Тебя стало так легко сбить с толка.

Э й е. Старею.

Э х н а т о н. Стареющим пора на покой.

Э й е (*вздыхает*). Пора. Да вот только дела не пускают.

Э х н а т о н. Серьезно? Важные, видно, дела. Кстати, а что ты вообще делаешь во дворце? Разве я тебя вызывал?

Э й е (*удивленно*). Ну как ... Я ... Мы все здесь.

Э х н а т о н. Кто это «мы»?

Э й е. Твои верные слуги. Домочадцы. Знать. Придворные музыканты. Все в зале приемов. А площадь перед дворцом с утра заполнил народ. Мы ждем начала церемонии.

Э х н а т о н. Какой церемонии?

Э й е. Как какой? Ты, наверное, шутишь надо мной, великий Дом. Неужели мой божественный племянник забыл, что у нас сегодня праздник? День рождения нашего любимого бога Атона.

Э х н а т о н. Не будет никакого праздника, дядя. Все по домам.

Э й е. Как так? Почему?

Э х н а т о н. Я освобождаю вас от повинности. Радуйтесь.

Э й е. Помилуй, великий Дом, но это невозможно. Круглая дата. Пятнадцать лет, как-никак. Все так ждали этого дня и готовились к нему. И потом, ... средства уже затрачены. Народ нас не поймет.

Э х н а т о н. С каких пор тебя это стало печалить? Проще всего народом управлять именно тогда, когда он ничего не понимает. А вот как только он начнет соображать что к чему, тут уже жди беды. Не этому ли нас учили жрецы Амона?

Э й е. Я помню, что ли. Чему они там учили. Когда это было.

Э х н а т о н. И с памятью нелады. Да, совсем худо.

Э й е. Ну что ж, по домам, стало быть, по домам. *(Поворачивается на выход.)*

Э х н а т о н. Стой! Значит, говоришь, средства затрачены?

Э й е. И немалые, государь.

Э х н а т о н. Все ждут и готовятся?

Э й е. Все уже подготовились и ждут.

Э х н а т о н. Хорошо подготовились?

Э й е. Ну ... да. Как положено.

Э х н а т о н. Молодцы. *(Пауза.)* Да, действительно, что это я. Отменять столь долгожданный праздник.

С е м н е х к а р а. Великий Дом, ты должен понимать, что ...

Э х н а т о н *(обрывает его)*. Твое мнение, Семнехкара, меня не интересует. Я знаю все, что ты можешь мне сказать. *(Вопросительно смотрит на Эйе.)* А? Как думаешь? Наверно, не очень красиво.

Э й е. Конечно, владыка, о чем речь. Правителю не стоит лишний раз, без повода, обманывать ожидания своих подданных.

Э х н а т о н. Даже если ему самому эти ожидания не сулят ничего хорошего?

Э й е. Прости меня, божественный, я не совсем понимаю ...

Э х н а т о н. Ах да, забыл, ты же стареешь. *(Пауза.)* Хорошо, напомни-ка мне, что я сейчас должен делать.

Э й е. Прежде всего ты должен надеть праздничное облачение. Затем выйти к придворным. Потом поприветствовать этих ... Ну, народ на площади. Еще кое-какие формальности. Да в общем, все то же, что и всегда, великий Дом. Все то же самое. Ну и, наконец, самое главное – торжественная трапеза. С заморскими яствами.

Э х н а т о н. И винами?

Э й е. Самыми отборными.

Э х н а т о н. Кто отбирал? Уж не сам ли ты? Как знаток и любитель.

Э й е *(настороженно)*. На это вообще-то есть люди.

Э х н а т о н. Надежные, не подведут? *(Пауза.)* Праздничное облачение готово?

Э й е. Ждет в царской опочивальне.

Э х н а т о н *(Семнехкаре)*. Ну что, раб любви, не передумал? *(Семнехкара качает головой.)* Ну как знаешь. В конечном счете, каждый сам выбирает свою судьбу. Пойдем тогда, проводишь. Насладишься счастливыми мгновениями. Много ли у тебя их еще осталось.

Эхнатон с Семнехкарой уходят налево. Эйе, оставшись один, оглядывает помещение; обнаружив кувшин с вином, заглядывает в него, после чего громко хлопает в ладоши. Входит слуга и замирает в поклоне.

Э й е. Вино ты приносил?

С л у г а. Я, мой господин.

Э й е. Полный кувшин?

С л у г а. Как положено.

Э й е. Стало быть, великий Дом отведал его?

С л у г а. Не могу знать. Может быть, не при мне.

Эйе. М-м. А где кубок? *(Оглядываясь, замечает лежащий на полу кубок.)* Та-ак. Вино-то разлито. Твоя работа? *(Слуга испуганно трясет головой.)* Ну и что бы это значило? *(Слуга разводит руками.)* Да, непонятно. Ладно, что застыл? Давай, прибери здесь всё. *(Слуга поднимает кубок, начинает собирать разбросанные фигурки.)* Тебя как звать-то, бедолага?

С л у г а. Рувим, о светлейший.

Эйе. Ру-Вим. Из иудеев, значит?

С л у г а. Увы, мой господин.

Эйе. Постой. Это не ты ли не так давно обращался к государю с каким-то прошением?

С л у г а. Я, мой господин.

Эйе. Как я тебя. Прижучил. И вообще, мне что-то примелькалось твое лицо. Давно служишь во дворце?

С л у г а. Уже тридцать два года. Малолетним мальчишкой меня взяли помогать на дворцовой кухне. Теперь я дослужился до старшего смены на мужской половине.

Эйе. До старшего смены? Не многого, однако, ты достиг за тридцать два года службы.

С л у г а. Для чужестранца и, тем более, раба это даже слишком много.

Эйе. Да будет. Чепуху городить. Раб! Чужестранец! Все зависит от самого человека. Если ты способен и уверен в себе, всегда добьешься в жизни успеха. Это только тупицы и лентяи все привыкли сваливать на внешние обстоятельства. Что ты мотаешь головой? Вот у меня, например, был раб-ливиец. Начал он с простого возницы, а сейчас уже управляющий именем. Ну, что ты на это скажешь?

С л у г а. То, что этому ливийцу просто очень повезло с хозяином.

Эйе. Хм. А у тебя, как я посмотрю, мозги соображают. И вообще, я давно к тебе приглядываюсь, Рувим. Ты исполнитель, аккуратен. Неприметен. Неболтлив. Если бы ты был моим слугой, наверняка достиг бы более завидного положения. *(Пауза.)* Ну, что молчишь?

С л у г а. Что я могу сказать? Добрейший Эйе, увы, не мой господин. А великий Дом вряд ли отпустит своего слугу. Ему вообще не до таких мелочей.

Эйе. Это уж точно. Так же, как не отпустит в Ханаан и твоих соплеменников. Он так смеялся, когда рассказывал мне о переданной тобой просьбе ваших старейшин! Хотя непонятно, на кой лад вы ему сдались? Толку от вашего брата на горсть фиников. Только и умеете, что отлынивать от работы. Будь я фараоном, с радостью отправил бы вас восвояси. А сам бы захватил сотенку-другую нубийских деревушек и нагнал сюда черномазых. Они еще не так хитры и избалованы. Да и, опять же, экзотика. А, как тебе моя идея?

С л у г а. Великий Эйе мудр и прозорлив. Хотя это не дело слуг думать о подобных вещах. Тем более что от всех этих мыслей вряд ли что-то может измениться.

Эйе. Верно. От одних только мыслей ничего не изменится.

С л у г а. Вот и выходит, что бедному Рувиму до конца своих дней суждено гнуть спину в царском дворце.

Эйе. Да разве во дворце дело. Дворцам ведь не менее часто приходится менять своих владельцев, чем владельцам дворцы. *(Отвернувшись, достает из-за пазухи флакон.)* А за праздничной трапезой ты тоже будешь прислуживать?

С л у г а. Ну да, как положено.

Эйе. Ну вот. *(Роняет флакон.)* Так что думай, Рувим, думай.

С л у г а. Прошу прощения, но светлейший Эйе что-то уронил.

Эйе. Я? Уронил? *(Оборачивается и с удивлением смотрит, как слуга подносит ему подобранный флакон.)* Что это? *(Вертит флакон в руках.)* Это не мое. *(Протягивает флакон обратно слуге, но в последний момент задерживает руку.)* Постой! Проверим-ка, что там

внутри. (*Открывает флакон и подносит к носу.*) Хм. Знакомый запах. Похоже на змеиный яд. Точно, яд пустынной кобры. Действует безболезненно и мгновенно. Так вот плеснешь, к примеру, в вино, и поди потом, догадайся. Кто, что. Зачем. А помехи уже нет. И всем хорошо. (*Закрывает флакон и снова протягивает его слуге.*) На, возьми.

С л у г а. Я великодушно прошу прощения. А зачем он мне?

Э й е. А мне он зачем? Это не мой флакон. Ну держи, держи! Отдашь его управляющему, выбросишь, заберешь себе. Короче говоря, найдешь какое-нибудь применение. Если ты, конечно, хочешь перемен. К лучшему. (*Пауза.*) Ну вот и ладушки. Я не ошибся, мозги у тебя работают. А сейчас, Рувим, иди и пригласи сюда светлейших Нефертити, Тутанхатона и Хоремхеба. Заодно предупреди музыкантов и всех собравшихся, чтобы были наготове. Государь скоро должен появиться. Ступай!

Слуга уходит направо. Вскоре оттуда же выходит Нефертити, ведущая за руку Тутанхатона; за ней Хоремхеб.

Х о р е м х е б. Ну что там, долго еще?

Э й е. Всё, всё, сейчас уже выйдет. Так, значит, расположение в ходе процессии то же, что и всегда. Лучезарная с наследником сразу за фараоном. За вами - мы с Хоремхебом. Когда выйдем на площадь, к нам пристроятся наместники по старшинству, ну и так далее.

Х о р е м х е б. А наша новая царица, как и положено, рядом с фараоном?

Н е ф е р т и т и (*гневно*). Хоремхеб!

Х о р е м х е б. Прости меня, лучезарная, но мне кажется, твое негодование запоздало. И уж явно не по адресу.

Т у т а н х а т о н. Уй!

Н е ф е р т и т и. Ты еще что?

Т у т а н х а т о н. Ты сжала мне руку.

Н е ф е р т и т и. Ничего, потерпишь.

Т у т а н х а т о н. Мне жарко.

Н е ф е р т и т и. Если не перестанешь ныть, отправлю тебя к матери, и поплетешься с ней в хвосте, вместе со всем гаремом.

Т у т а н х а т о н. Не смей так говорить со мной. Я наследник престола.

Э й е (*Хоремхебу*). О как.

Входит Эхнатон в праздничном одеянии, с короной на голове. Все присутствующие замирают в почтительной позе.

Э х н а т о н. Все главные лица в сборе. Тутанхатон, мой мальчик, ты тоже здесь. Ну здравствуй, сынок. Давненько я тебя не видел. Ты такой взрослый в этих праздничных одеждах. Прямо маленький фараон.

Т у т а н х а т о н. А я стану когда-нибудь настоящим фараоном?

Э х н а т о н. А ты как думаешь?

Т у т а н х а т о н. Не знаю. Мама говорит, что я буду царем незаконным.

Э х н а т о н. Чушь. Как только ты наденешь на свою голову вот эту корону, то уже сам будешь решать, что законно в твоей стране, а что нет.

Т у т а н х а т о н. А когда я ее надену?

Э х н а т о н. Скоро, сынок. Скорее, чем ты можешь себе представить. И понять.

Т у т а н х а т о н. Что понять?

Э х н а т о н. Что есть в жизни самое главное.

Т у т а н х а т о н. Для кого? Для повелителя?

Э х н а т о н. И для повелителя в том числе.

Т у т а н х а т о н. Найти свою дорогу?
Э й е. О как.
Э х н а т о н (*усмехается*). Хм.
Н е ф е р т и т и (*Тутанхатону*). Этим глупостям тебя тоже научила твоя мать? Самодержцу не нужно ничего искать. Его дорога predetermined свыше.
Э х н а т о н. Не морочь парню голову, Нефертити. Свыше, сынок, нам дана только способность передвигаться.
Т у т а н х а т о н. Значит, я прав?
Э х н а т о н. Наполовину. Найти нужную дорогу - великое дело. Но не менее важно правильно рассчитать свой шаг. Понимаешь?
Т у т а н х а т о н. Нет.
Э х н а т о н. Не беда. Просто запомни мои слова и как-нибудь потом подумай над ними. (*Хоремхебу,*) Да, Хоремхеб? Не грусти, не надо. Жизнь так прекрасна.
Х о р е м х е б. Прекрасна. Когда сдерживает свои обещания. Но это бывает так редко.
Э х н а т о н. Ей есть с кого брать пример. Мы тоже всю жизнь обманываем друг друга. И прежде всего самих себя. И только узнав свою судьбу, перестаем этим заниматься. (*Пауза.*) Ну что? Идем принимать выражения восторга моих верных подданных? (*Смотрит на Эйе.*) Или все же отменим?
Э й е (*с жалобной укоризной разводит руками*). Великий Дом!
Э х н а т о н. Хоремхеб?
Х о р е м х е б. А это что-то изменит?
Э х н а т о н. Вряд ли. Ладно, пошли. Дядя, строй колонну.
Э й е. А ... где наша новая царица, несравненная Семнехкара?
Э х н а т о н. Ушла.
Э й е. Далеко?
Э х н а т о н. Всё зависит от точки отсчета. От меня, я думаю, не очень.
Э й е. Он, то есть, она ... даже не знаю как правильно, не будет присутствовать на церемонии?
Э х н а т о н. Нет.
Э й е. И на ужине?
Э х н а т о н. Это было бы затруднительно. С перерезанным горлом.
Э й е (*после паузы*). Как, перерезанным?
Э х н а т о н. Ножом. Я отправил Семнехкару в царство мертвых. А что вы на меня так смотрите? Разве не этого вы все хотели?
Т у т а н х а т о н. Я этого не хотел.
Э х н а т о н. Ну если только.
Н е ф е р т и т и. Значит, теперь место царственной супруги ...?
Э х н а т о н. Да, Нефертити, дождалась. Свободно. Боюсь, ненадолго. Впрочем, для тебя хватит. Чтоб не остаться на бобах. (*Опережая пытающуюся ему что-то возразить Нефертити.*) Вашу руку, ваше величество! (*Всем остальным.*) Пристраивайтесь, ваши светлости и высочества. Ритуал не ждет.

К О Н Е Ц